

The book cover features a dark, textured background resembling asphalt with some white paint markings. The number '23' is prominently displayed in a large, white, stencil-like font. Below the number, the author's name 'Игорь Леснев' is written in a clean, white, sans-serif font. At the bottom left, the word 'роман' is printed in a smaller white font. At the bottom right, there is a logo for the publisher 'М' with the word 'Москва' written in a smaller font below it.

23

Игорь
Леснев

роман

М
Москва

Игорь Васильевич Лесев

23

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183761
23: Роман.: Издательство Ад МARGINEM; Москва; 2008
ISBN 978-5-91103-025-4*

Аннотация

Если вы хотите почитать настоящий русский ужастик, рекомендуем вам книгу Игоря Лесева “23”. Это дебютный роман молодого писателя, вышедший тиражом более 20000 экземпляров.

Молодому и низкооплачиваемому служащему Виктору Лескову ночью снится страшный сон, в котором умерший одноклассник предсказывает ему смерть 23 апреля. С этого момента Лескова начинает повсюду преследовать число 23, превратившее его существование в сплошную борьбу за сохранение жизни. Лесков узнает тайну о существовании древних существ – гулу – которые стремятся овладеть телом Виктора. Помимо гулу, Виктора начинает искать милиция, объявив его в розыск по подозрению в серии жестоких убийств, а также странная женщина, появляющаяся всегда в красном платье...

“Это первый за долгое время российский хоррор – не по языку или месту проживания автора, а по самой природе страха: все ужасы романа “23” выросли на здешней почве, среди пятиэтажек и покосившихся автобусных остановок, и все они мгновенно узнаваемы – точно такой же, пыльный и серый, страх сжимал диафрагму, когда ребенком шел с родителями на кладбище” (Юрий Сапрыкин)

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	49
Глава 14	53
Глава 15	57
Глава 16	60
Глава 17	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Игорь Васильевич Лесев

23

Посвящается моей матери Алисе Мирославовне

Глава 1

ПРОИСШЕСТВИЕ В АВТОБУСЕ

9 апреля. Воскресенье. 15.10

Автобус уже подошел к платформе. Я стоял на автовокзале городка Г. с большим красным дорожным рюкзаком и папкой, полной журналов. Меня провожала мама. Мне уже двадцать пять лет, Александр Македонский в этом возрасте покорил полмира, мой дед женился в двадцать два, а к двадцати пяти уже построил свой дом, а меня до сих пор провожает мама. И даже не потому, что я маменькин сынок (впрочем, и это тоже), но так заведено, такова традиция. Еще с семнадцати лет, когда я впервые поехал учиться в Столицу, мама каждый раз меня провожала.

Сегодня все было как обычно. Мы говорили ни о чем, в основном о жизни. Хотя странно, конечно, называть жизнь «ничем», но обычно разговаривают о ней, когда говорить больше не о чем. К нам подошел знакомый водитель (к слову, у нас все водители – знакомые, за восемь лет постоянных поездок и передач по-другому и быть не могло) и поздоровался. Когда водитель отошел, мама сказала, что он «самый лучший, потому что берет меньше всех за передачи». «Самый лучший водитель» постоянно называет меня по фамилии, и это меня страшно бесит. Не потому, что у меня какая-то страшная фамилия, нет, самая обычная, а потому, что делает он это громко, на весь автобус, и притом еще на своем идиотском украинском суржике. Вот и сейчас, подойдя к нам второй раз, он прогорланил на всю платформу:

– Лесков, у тэбэ есть билэт?

– Ага, есть.

– Я серьезно, многа народу, будэш стояты.

– Да есть у него билет, – вставила мама. (Мама постоянно и везде мой «адвокат». Будь я в школе, в больнице, университете или на работе, если рядом мама и кто-то обращается ко мне, в первую очередь отвечает всегда она. Даже удивительно, как я сейчас умудрился первым ответить.) – Нам без билета не положено. (Еще одна особенность моей мамы. Обо мне она всегда говорит во множественном числе, автоматически подразумевая и себя тоже.)

А в целом мама у меня, конечно, хорошая. Иногда, правда, утомляет ее постоянная опека, но делается это исключительно из любви. Вообще, в городках, подобных Г., для женщин весьма важны три вещи: кто твой ребенок, муж и в чем ты ходишь по разбитым грязным улочкам. Так как моя мама зимой купила дубленку и совсем недавно – новые белые сапоги («совсем не дорого, такие в Столице стоят баснословных денег»!), с мужем развелась девять лет назад, а я являюсь в семье единственным ребенком, самым актуальным вопросом остается: кто же такой я? А я – всего лишь помощник народного депутата с жалким окладом в девятьсот гривен и живыми семисот пятьюдесятью тремя. Но благодаря моей маме весь Г. думает, что в Столице я чуть ли не на «ты» с министрами и их заместителями, а уж с простыми депутатами вообще каждый день пью на брудершафт. А то, что такая «важная особа», как я, в конце каждого месяца ест исключительно мивину и прочую китайскую дрянь и ко всему постоянно занимает деньги у своих друзей «до полочки», – это уже не столь важно, и жителям Г. знать не обязательно. Иными словами, в моей маме погибает потрясающий пиар-менеджер.

Я с трудом впихнул свой рюкзак в переполненное багажное отделение, поцеловал маму и сел на свое место. Место в билете у меня указано второе, а поэтому можно будет в перерыве между чтением журналов смотреть на дорогу. Люди постепенно заполняли весь салон, оставались еще свободные места, но много билетов продано по всему маршруту следования автобуса, к тому же за пределами автовокзала на ближайшей остановке дежурила первая толпа безбилетников. В общем, воскресная пятичасовая толкучка гарантирована.

Мама потихоньку пошла домой вдоль дороги, по которой проследует автобус, а водитель все не спешил отправляться. Он постоянно на кого-то покрикивал, пытался всех рассадить, причем не согласно указанным местам в билетах, а по ведомому лишь ему одному шабашному принципу. Заработок у него и его напарника намечался хороший, вот он и суетился.

– Так, заходять тилькы з билэтамы. Я кажу – з билэтамы! Потим вси остальные! Шо у тебе? Грошы потим. Зараз тилькы з билэтамы!

Я занял свое второе место, достал журнал «Кино» и стал читать статью о Натали Портман. Оказывается, Портман еврейка, кто бы мог подумать? У входной двери автобуса какие-то родственники провожали пару лет тридцати пяти. Шуму от них было не меньше, чем от самого водителя, поэтому читать дальше стало решительно невозможно. Я закрыл журнал и решил начать чтение после выезда за пределы Г., а пока уставился на удручающий фасад автовокзала и стал думать о завтрашнем собеседовании на работе. В это время меня окликнул водитель:

– Лесков, у тебе якэ место?

Я вздрогнул. Никак не могу привыкнуть к тому, что этот дебил на весь автобус горланит мою фамилию.

– Второе.

– Пэрэсаджуйся на шостэ.

Я встал и механически пересел на ряд дальше. Тут же на мое место плюхнулась парочка, которую так шумно провожали. Только теперь я подумал, что не мешало бы возмутиться, какого черта я должен сидеть на худшем месте, когда у меня есть билет. Но тут я вспомнил слова мамы о «самом лучшем водителе» и решил не раздувать конфликта. Место уже занято, я сам добровольно пересел, а к тому же денег за передачи это мурло берет меньше остальных. В общем, с меня не убудет.

Наконец «Икарус» запыхтел, обдав провожающих смрадом, и тронулся в путь. Мы быстро нагнали мою маму, которая не спеша двигалась вдоль дороги домой, я помахал ей рукой и вновь принялся за Натали Портман. На первой остановке, еще в черте Г., в автобус набилось почти столько же людей, сколько на самом автовокзале.

К слову, удивительный народ украинцы. Будут пять часов трястись, стоя в духоте и вони, но зато сэкономят несколько гривен. Поразительно.

По мере приближения к Столице водитель подбирал все новых пассажиров и втиснуться в автобус становилось все сложнее. В салоне было душно, и мне представилось, что нахожусь я сейчас не в Европе, а где-то на горной пыльной дороге в Боливии, в окружении боливийских потных крестьян, которые без умолку что-то галдят и чем-то возмущаются. Честно говоря, не знаю, чьи крестьяне грязнее, наши или боливийские.

Через три часа автобус выбрался на нормальную южную трассу и уже чуть быстрее поехал в направлении Столицы. Мы опаздывали по графику минут на сорок. Постепенно темнело.

Вдруг в середине салона кто-то громко закричал. Раздались еще голоса:

– Водитель, стой!

– Стой!

– Остановите автобус! Парню плохо!

– Человек потерял сознание!

В салоне начался невообразимый гам. Автобус резко затормозил и остановился на обочине шоссе. Водитель поднялся с кресла и вместе с помощником стал растерянно смотреть в глубь салона.

– Шо там такэ?

Оттуда наперебой начали кричать:

– Парень потерял сознание!

– Стоял, стоял, и вдруг упал!

– Людины погано!

– У него эпилепсия!

Мужик, стоявший рядом со мной и бывший явно навеселе, взял инициативу в свои руки:

– Так тащыть його сюды! Сюды його тащыть, на по-витря!

Тем не менее его не слушали. Все обступили эпилептика, но никто не решался к нему прикоснуться. Мужик рядом со мной все не унимался:

– Я кажу, тащыть його сюды! Шо вы стали як бараны. Тащыть його на повитря!

Больше всего меня удивляла нерешительность водителя. Ты ведь капитан корабля! Какого черта ты встал как немой и хлопаешь глазами?! Но, похоже, капитаном на корабле становился подвыпивший мужик. Еще одна черта украинцев. Им лишь дай покомандовать, а если еще и на грудь примут, тогда сам бог велел. Двое быковатого вида парней (наверное, учащиеся какого-то столичного техникума) вышли из состояния анабиоза и поволокли потерявшего сознание молодого человека (который, к слову, в своей «косухе» мало чем отличался от тех двоих, которые его тащили) к выходу. Пассажиры стали выходить из салона на улицу, освобождая им дорогу.

Стоящая рядом со мной пьянь все никак не могла уговориться и, похоже, вошла в кураж, по крайней мере, команды становились все бестолковее:

– Дайтэ хтось йому воды! Знымить з нього куртку, йому жарко!

Обстановка явно накалялась, меня как умеренного параноика и фаталиста со стажем все больше волновал один вопрос: *а вдруг парень умер?* Для того чтобы выяснить, так ли это, или все же ничего страшного не произошло, нужен специалист, а не полупьяный горлопан.

Я вскочил со своего места и громко спросил:

– В автобусе есть врач или фельдшер? – Мой голос прозвучал на удивление звонко, на какое-то мгновение возня в салоне прекратилась и все уставились на меня.

Неожиданно подала голос женщина, занявшая мое место еще в Г.:

– Я врач! (*Дура! Чего ж ты молчала все это время? Или только чужие места умеешь занимать со своим мужем, или кем он тебе там приходится?!*) Его действительно нужно вынести на воздух. – Она подошла к потерявшему сознание парню, но тот, похоже, пришел в себя, и его уже не несли, а просто вели под руки.

В это время мне позвонили на мобильный. Я взял трубку и посмотрел на экран: номер высветился незнакомый. Последние три цифры были «926». Я нажал «Вызов», но раздалось какое-то шипение, и больше ничего слышно не было. Тогда я вышел из автобуса и решил перезвонить сам. Меня волновало, не связан ли звонок с намечающимся на завтра собеседованием. Отойдя чуть подальше от толпы, которая собралась возле эпилептика и врачихи, я заметил указательный знак «Васильков 6 км» и стрелку, указывающую вправо от основного шоссе. Значит, мы уже рядом со Столицей, правда, опаздываем почти на час. Я нашел в меню на мобильном «Принятые звонки» и нажал последний номер. После нескольких гудков вызова кто-то наконец взял трубку.

– Да, – ответил незнакомый мужской голос.

– Добрый вечер. Мне только что звонили с этого номера.

– А-а-а-а, – протянул голос. – Эт я, братишка, ошибся номером, извини.

– Да ничего. Бывает. Всего хорошего, – и я прервал соединение. *Блин, значит, не по поводу собеседования.*

Я слегка расстроился. На следующей неделе должен решиться вопрос, буду ли я еще одну каденцию помощником народного депутата или же мне придется искать новую работу (под «новой работой» мне с ужасом лезла в голову только вакансия школьного учителя). Конечно, у меня есть еще некоторые поползновения в корне изменить свое существование, и через дальнего родственника я вот уже несколько месяцев пытаюсь попасть на работу в «Лукойл». Но это направление в поиске работы пока напоминает попытки Сталина убедить Рузвельта и Черчилля открыть Второй фронт не в 1944-м, а, скажем, 1942 году. Поэтому ожидание работы в «Лукойле» вполне может растянуться года на три, а пока мне надо хоть где-то закрепиться. Работа в Конторе помощником у депутата С. меня вполне устраивает. Зарплата, конечно, никакая, но и работа ей под стать. Две-три статьи за месяц, свободный график присутствия (вернее, его полное отсутствие), почти свой кабинет (один на двоих, зато большой), интернет и телефон, по которому я наговариваю за месяц сумму, почти эквивалентную месячному заработку. По крайней мере, мой опыт работы в школе говорил мне, что денег там будет на порядок меньше, а нервытрепки и, собственно, самой работы – больше.

– Всэ, залазьтэ, поихалы! – вновь ожил и начал кричать водитель. С парнем все оказалось в порядке, его посадили опять-таки на бывшее моим второе место, врач села рядом, а ее муж/хахаль потопал в глубь автобуса. Постепенно в салоне начался ненадолго приутихший гам, правда, пьяный мужик, еще недавно командовавший спасением эпилептика, притих. Похоже, начал трезветь.

До Столицы прибыли без приключений, я забрал из багажного отсека рюкзак и, сев в маршрутку, поехал к метро. Совсем недавно я получил место в семейном общежитии. Пробивал я его очень давно, больше двух лет, и досталось оно мне с невероятными морально-волевыми усилиями. Как-то в разговоре со мной, еще когда я только начинал работать в Конторе, депутат С. необдуманно пообещал решить мой жилищный вопрос путем поселения меня в элитном парламентском общежитии. Я, понятное дело, безумно обрадовался, тогда еще не подозревая, какой С. по жизни пустотреп. Жил я до этого у бабки на квартире, снимал комнату и отдавал ползарплаты. И время от времени, раз в три-четыре месяца, напоминал при случае С. об обещанной мне комнате. Собственно, все так по-гнилому и шло, пока этой зимой хозяйка не подняла цену на жилье сразу в два раза. Фактически, я оказался на улице и стал донимать своего депутата буквально каждый день. Звонил ему на мобильный, сидел в приемной, писал эсэмэски, привез даже маму к нему. В общем, за один месяц достал его так, что от одного только моего вида у С. была оскомина. В результате я вырвал общежитие. Но поселили меня в такое место, чтобы я уже никогда не захотел у С. когда-нибудь еще чего-то попросить. Вместо отдельной комнаты меня подселили к двум братьям: слесарю и водителю. Ребята, конечно, простые, что называется, из народа, но я их возненавидел сразу. Встают на работу в шесть утра, в полдесятого вечера уже спят. Книг вообще не читают, и сомневаюсь, что на двоих прочитали за всю жизнь хоть одну. Зато зарплата у каждого в три раза больше моей. Ну где, нахрен, справедливость? Сама же комната больше напоминает притон для бездомных. Такие еще по телевизору показывают в криминальных хрониках.

Выйдя на станции «Золотые ворота», я быстрым шагом потопал к себе. Неожиданно из-за поворота появилась низенькая старушка, одетая во все черное и почему-то с пустым здоровенным цинковым ведром в руках (*какого черта в центре города с ведром ходить?*). Она шла наперерез, и мне почему-то не захотелось, чтобы она переходила мне дорогу. Я ускорил шаг и стал жаться к правой стороне тротуара, но бабка еще больше срезала угол и теперь уже откровенно шла мне наперерез. Бабка посмотрела на меня каким-то глубоким,

странным взглядом. *Нужно успеть перебежать перед ней!* Но я никуда не побежал и позволил-таки старой карге перейти мне дорогу.

Через 20 минут я поднимался на пятый этаж своей общаги. В коридоре отвратительно пахло пищей, а когда я вошел в свою комнату, то эти два олуха уже спали (*только начало десятого, блин!*), а в комнате стояла невыносимая вонь сельской еды и потных носков. Всю дорогу я страшно хотел есть, но аппетит сразу же пропал. Я заставил себя выпить чаю, посмотрел недельное футбольное обозрение и принялся за томик Чехова. Уже давно обнаружил в себе удивительное качество. Все то, что меня заставляли читать в школе и университете, я упорно отторгал. Но как только получал максимум свободы, то сразу же начинал тосковать по принуждению. Например, в школе я настрадался от своего директора, который заставлял читать «Преступление и наказание». Но как только поступил в Университет, сразу же взялся за Достоевского и прочитал почти всего. В Университете я просто ненавидел Мартина Хайдеггера, а еще больше – преподавателя курса истории философии Решаткина. Но через полгода после получения диплома я сам (добровольно!) принялся за «Бытие и время». Теперь вот Чехов. Прочитав несколько рассказов, я вспомнил, что привез с собой «Последний дозор» Лукьяненко. Было уже поздно и хотелось спать, но я решил-таки начать книгу. Отложив Чехова, я взялся за «Дозор». Меня страшно клонило ко сну, и я успел прочитать только пролог. В нем убили некоего Виктора двадцати пяти лет. Хм. Меня тоже зовут Виктор. И мне двадцать пять.

Глава 2 СТРАШНЫЙ СОН

10 апреля. Понедельник. 3.45

Я проснулся от ужасного сна. Мне стало не по себе от того, что он был невероятно реалистичен. Теперь я боялся вновь заснуть и оглядел темную комнату. Братья-селюки спали девственным сном. Один, тот, что поплотнее, от духоты почти раскрылся и тихонько причмокивал. Второй спал совсем тихо. Впервые я обрадовался их присутствию, уставился на потолок и стал вспоминать только что пережитый сон.

Я находился в каком-то просторном помещении. Похоже на спортзал, а может, большой кабак. У стены была длинная скамья, а перед ней три белых пластиковых столика. Такие обычно выносят на улицы летом, для распития за ними пива. Кругом никого не было, и я сел за крайний столик. Неожиданно стали появляться люди, в основном мои старые школьные знакомые. Каждый ко мне подходил, хлопал по плечу, обнимал, поздравлял с достижением успеха (какого?). Я оказался за центральным столиком в центре шумной компании. Все внимание было приковано ко мне, от моих шуток раздавался громкий общий смех, а все тосты посвящались мне и моему успеху (какому, черт, успеху?).

Неожиданно я вновь очутился за крайним столиком, но теперь рядом было всего несколько человек, и они вяло поддерживали со мной разговор, в основном обмениваясь фразами друг с другом, а меня замечали лишь из вежливости. За двумя соседними столиками все так же продолжалась бурная вечеринка, но теперь уже без меня. Мое отсутствие никак не сказалось на их настроении, им было все так же весело.

В следующее мгновение я оказался на длинной лавке, что стояла вдоль стены. Я сидел совершенно один, и всем вокруг до меня не было никакого дела... Все три столика стали значительно дальше, хотя, когда я сюда пришел, они были рядом с лавкой. Кругом была темнота, освещено было только пространство вокруг меня и тех трех столиков. Они стали еще дальше. Теперь до меня доносился только неразборчивый гул, отдельных слов я различить уже не мог.

– Ну что, Витек?

Я резко повернул голову. Рядом со мной сидел Димка Обухов, мой бывший одноклассник. Мне почему-то стало страшно. (Что-то не так!) С Димкой я проучился вместе всего лишь год, в 9 «А» классе. Весь год он по мере своих сил надо мной издевался, и на следующий год я перешел в другую школу. Но зла я на него не держал, да и прошло уже больше десяти лет.

Димка как-то странно улыбался и сидел теперь еще ближе. (Что-то здесь не так!) Откуда-то в руке у него появились большие настенные часы черного цвета. Я их сразу узнал, такие висят у моего деда в комнате на стене. Только почему-то часы были электронные и показывали 16.00. Димка перевел время на 14.00 и протянул их мне, но я вновь их навел на 16.00. Димка снова сбил на 14.00 и стал мне вешать часы на левое плечо. Мне страшно не нравилась цифра 14, и я всячески противился принять эти часы от Димки. Ко всему же меня все время что-то беспокоило. (Он же умер! Димка Обухов умер прошлым летом от пневмонии!) Вот оно что, покойник дарит мне часы. Я решительно не хотел их брать, но Димка уже привязывал часы веревочкой на моем плече за пуговицу к рубашке. Я не выдержал и спросил:

– Это ведь плохой подарок?

– Не-е-ет – прошипел Димка и выпучил свои огромные карие глаза. Он явно испугался, что я откажусь от подарка.

И тут я проснулся. В принципе, обычный неприятный сон. Даже не понятно, почему я назвал его «страшный». Ничего кровожадного в нем не было. Людям время от времени снится что-то подобное. Но меня все равно что-то пугало. Я не просто перехотел спать, теперь я боялся вновь заснуть. *(Почему?)* Ну, конечно, меня испугала именно реалистичность самого сна. Такое впечатление, что это было наяву и Димка сейчас выйдет из-за шкафа за моей головой с черными часами в руках. Я еще раз осмотрелся вокруг, сельские братья тихонько почмокивали и сопели. Это меня успокоило. Я вновь вернулся к перипетиям сна.

Итак, что во сне меня так испугало? В первую очередь, покойник Димка, который навязчиво дарит мне часы. Первое, что приходит на ум, это предупреждение о смерти, или, скорее, зазывание меня покойником на тот свет. Впрочем, нужно еще будет почитать сонник *(точно, моя мама в этом разбирается, расскажу ей сон, она даст более или менее внятную трактовку)*, да и не следует забывать, что это всего лишь приснилось. Второе, – это чудовищная реалистичность сна и запоминание даже мелких деталей, что немного странно. Ведь сны обычно быстро забываются, и остается лишь общее впечатление о них, но никак не четкая последовательность в событиях.

Так я лежал, смотрел в потолок и понемногу себя накручивал. *Димка во сне был явно недоброжелателен ко мне. Казалось, покойник не предупреждал о чем-то, а навязывал мне некую проблему. Часы. Что бы они могли означать? Время смерти? Слишком очевидно, но не исключено. И эти цифры – 14.00. Димка настойчиво указывал мне на цифру 14, хотя я почему-то переводил часы на 16.00. Он явно что-то желал приблизить. Но что? Так, четырнадцать, четырнадцать. Стоп. Пасха 23-го, а сейчас ночь с девятого на десятое, т. е. до Пасхи как раз получается четырнадцать дней. А я хотел поставить время на 16.00, т. е. дотянуть до 25 апреля. (Да уж, «дотянуть», типун мне на язык.) Итак, что-то связанное со мной и Димкой должно произойти 23-го или 25 апреля. А скорее всего я просто идиот, завтра у меня собеседование и надо бы хоть раз за год прийти на работу вовремя. Поэтому пора спать.*

Я повернулся на бок и решил, что неплохо бы подумать о чем-то приятном, чтобы снять напряжение. Мне сразу же вспомнилась парикмахерша с огромной грудью, у которой я стригся позавчера и которая все расспрашивала меня про Столицу. Лицом она не очень, но грудь у нее просто обалдеть, размера третьего, не меньше... *Стоп! Автобус сегодня остановился возле указательного знака в Васильков. Но ведь именно в Василькове похоронен Обухов! Он успел жениться несколько лет назад, там и жил до своей смерти. Какое-то странное совпадение. Автобус остановился, потому что парню стало плохо, а я даже подумал, не умер ли он. Так, хорошо. Что у меня еще есть? Если мне кто-то шлет предупреждения, должны быть еще зацепки. То, что парню в переполненном автобусе после нескольких часов простоя стало плохо, не удивительно. Мне там и сидеть хреново было. То, что это произошло возле Василькова – ну и что? Мало ли кто в Василькове похоронен. И то, что приснился бредовый сон, – это также ни о чем не говорит.*

Я вновь принялся думать о груди парикмахерши из Г., правда, уже с меньшим удовольствием. Сон меня явно беспокоил, да еще эта незапланированная остановка автобуса возле Василькова, где похоронен Обухов. И тут я вспомнил о звонке. Когда произошла остановка автобуса, мне позвонили, я ничего не мог слышать, вышел на шоссе и перезвонил какому-то парню. Как выяснилось, тот просто ошибся номером. Вроде ничего странного. *Если не считать, что звонок произошел возле Василькова. Я нащупал рукой на журнальном столике мобильный телефон и нажал на панельке меню «Список вызовов». Нашел последний набранный номер – 0671423926. Обычный номер. Хотя... 067 – это номер оператора, тут все понятно. Значит, остается 1423926.14 – цифра на часах, которую мне настоятельно устанавливал Димка. 23 – это Пасха, которая наступит как раз через 14 дней. А что означает 926? Так, число сейчас уже десятое. Стоп, но звонок был вчера, т. е. 9-го. Ну, хорошо,*

допустим. Куда я впихну еще «двойку» и «шестерку»? Я вновь повернулся на спину и даже немного расслабился. В какой-то мере я обрадовался, что мой внутренний параноик зашел в тупик. Вдруг я сел на кровати. Точно! Билет! У меня было место 2, но водитель меня пересадил еще в Г. на 6-е место. Теперь все сходится. Номер 1423926 каким-то образом связан с моим сном.

Теперь осталось убедить свое воспаленное воображение, что я таки псих и мне стоит прекратить смотреть фильмы ужасов и порнуху. Я еще раз высветил номер 0671423926 и нажал кнопку «Вызов». Прозвучало гудков семь, я уже думал отменить вызов, как на том конце кто-то сонным голосом ответил:

– Да.

– Бога ради, извините, – как можно вежливее начал я. – Очень важное дело, мне нужен Дима.

– Я Дима.

– Вас зовут Дима? – я был просто в шоке, этого не могло быть! Не может просто быть такого совпадения! – Обухов?

– Какой нахрен Обухов?! Ты на часы смотришь?! – Тут же раздались короткие гудки. Парень кинул трубку. Я его явно разозлил, но меня это сейчас волновало меньше всего. *Его, как и Обухова, зовут Дима. У меня на глазах выступили слезы.*

Глава 3 УБОРЩИЦА

10 апреля. Понедельник

Заснул я только под утро. Димка с часами во сне ко мне больше не приходил, а утром меня не смогли поднять даже грохот кастрюли, свист чайника и громкое чавканье слесаря и водителя. К слову, зовут их Коля и Сережа (называют они друг друга, соответственно, Мыкола и Сэрожа), но я, честно говоря, за месяц так еще и не разобрал, кто из них кто. На работу я вновь опоздал, впрочем, как всегда, и выяснилось, что никакого собеседования нет и быть не должно. Мой коллега, Сущенко (старше меня почти в два раза, такой себе заносчивый тип), попросту соврал, когда позвонил в Г. и таким незамысловатым способом добился, чтобы я пораньше приехал в Столицу. Ему просто надоело самому выходить на дежурство. Дежурством мы называем нашу работу. А так как работы, собственно, почти никогда нет, то все обязанности заключаются в систематическом расписывании в вахтенном журнале на проходной (нужно приходить к 9.00, но раньше одиннадцати мы редко появляемся) и мариновании в кабинете до пяти. Потому что начальство раз в полгода может проверить, а где это Сущенко с Лесковым околачиваются. Вот мы и ввели поочередное дежурство.

От завтрака, как и вчера от ужина, я тоже отказался. В этом общежитии решительно невозможно питаться, пропадает любой зверский аппетит. Даже не знаю, что страшней – умереть молодым или прожить несколько лет в такой общаге, да еще с такими соседями. Подумав о смерти, я тут же вспомнил о сне. Во время умывания я начал вновь сопоставлять все знаки, которые углядел на протяжении вчерашнего вечера со своим ночным сном. Итак, у меня есть три исходных данных, которые, собственно, меня и напугали. Во-первых, это сон, в котором приснился покойник и подарил мне часы. Во-вторых, незапланированная остановка автобуса, в котором я ехал накануне сна, возле Василькова, где похоронен приснившийся покойник. И, в-третьих, это набор чисел, дат и номеров, которые мне повстречались вчера вечером и, собственно, в самом сне. При этом основой всего является сон, без него что-либо анализировать не имеет смысла. И какой вывод я хочу сделать? Мне пришло предупреждение (*какое?*) с того света, и я должен паниковать только из-за того, что мне приснилось что-то неприятное? Это же бред.

Приехав на работу, я не застал Сущенко в кабинете, хотя было уже начало двенадцатого. Я вспомнил, что ночью решил рассказать сон маме, но передумал. Зачем ее волновать ерундой? Вместо этого вошел в Интернет и через поисковую систему набрал запрос «Толкование сновидений». Поисковая система выдала 15985 документов, с ума сойти, это можно год просматривать. При том, что множество запросов были связаны с Фрейдом и психоанализом, а в данном случае меня это не интересовало. Необходимо более точный запрос сделать. К «Толкованию сновидений» я добавил «Сонник». Количество документов, выданных поисковой системой, уменьшилось до полутора тысяч. Компьютер начал выдавать то, что я пытался найти. «Сонник, гороскопы, гадания», «Маг Дагомир, сонник», «Толкование снов, сонник» и т. д. Меня заинтересовало название документа «Сонник Миллера». В университете я неоднократно встречал эту фамилию, правда «Миллер» мало чем отличается от нашего «Иванов», но в любом случае доверия вызывает больше, чем какой-то «Маг Дагомир».

Сайт оказался объемным, и я начал смотреть, какие бывают сновидения. Так, «компенсационные», «творческие», это не то, «фактические». Я стал читать, что обозначают «фактические сны»: «Эти сны, в большинстве своем, обычные воспоминания, повторное пережива-

ние уже случившихся с нами событий...» Я быстро пробежал глазами дальше, фактические сновидения мне тоже не подходили. Ничего подобного в своем сне я раньше не переживал.

Я продолжил читать классификацию Миллера. «Повторяющиеся», «сны с продолжением» (*не дай боже, он мне еще продолжаться будет*), «физиологические», «предупреждающие», *стон, это как раз то*. Только я принялся читать о предупреждающих снах, как в кабинет без стука вошла уборщица и ехидно поздоровалась:

– Доброе утро, Виктор Николаевич. (Старая карга решила меня поддеть очередным опозданием, был уже час дня.)

– Здравствуйте, – ответил я и выдавил улыбку. – Что-то вы сегодня поздно.

– Ждала, Виктор Николаевич, когда вы на работу придете, ключа от вашего кабинета у меня ведь нет. А я уже с семи здесь.

– С документами в комитетах проволочка была, еле вырвался, – чтобы от нее отцепиться, я за почти три года работы в Конторе никогда не выдумывал особо оригинальных отмазок. «Работа с документами» или «только из библиотеки» универсально работали как на моего шефа, так и на любого начальника отдела, в том числе и на уборщицу. Мы все знали, что я вру, но делали вид, что так и было на самом деле.

Если за целый месяц я не смог запомнить, как звали моих соседей по комнате, хотя знал точно, что один из них Сэрожа, а другой Мыкола, то в случае с уборщицей я даже приблизительно не знал ее имени и отчества. Она была просто уборщицей.

– Пришла с ведром, а воды набрать забыла. Только сейчас я заметил, что она зашла в кабинет с пустым ведром. Я тут же вспомнил вчерашнюю бабку, которая переходила мне дорогу тоже с пустым ведром. И тут же отметил, что уборщица, как и та бабка, тоже одета во все черное, какую-то серовато-черную кофту, черную юбку и черные же колготы.

– Что это у вас такое траурное одеяние, во все черное оделись? – Я постарался это сказать непринужденно, вроде как в шутку.

Уборщица остановилась с ведром в дверях и посмотрела на меня с каким-то странным непониманием:

– Я уже второй месяц так хожу, Виктор Николаевич. Мужа схоронила в прошлом месяце. – Она еще несколько секунд постояла в дверях, ожидая от меня каких-то слов соболезнования, но, так ничего и не дождавшись, пошла за водой.

Получилось как-то некрасиво. Впрочем, сам виноват. Мужа, значит, схоронила, как-то не хотим мы замечать чужого несчастья, а оно вот, рядом ходит. Пока я раздумывал, как сгладить дурацкую ситуацию, в которую сам же и угодил, вернулась уборщица с ведром воды и молча принялась мыть пол. Меня смущало, что я не знал, как ее зовут, потому что хотел обратиться к ней с одним, на мой взгляд, важным вопросом. Наконец я решился.

– Да, моя бабушка тоже похоронила мужа в прошлом году, тоскует по нему. Хороший у меня дед был, – мысленно я попросил у деда прощения, потому что он если и нездоров, то уж точно не умер, но как-то надо было зацепиться за разговор и задать-таки свой вопрос. – А как вашего мужа звали?

Уборщица перестала мыть и удивленно посмотрела на меня. Она все никак не могла понять, чего это я с ней за пятнадцать минут понедельника наговорил больше, чем за последние полгода.

– А вы, Виктор Николаевич, хоть знаете, как меня зовут? Или вам сегодня поболтать не с кем? А вы знаете, что я в школе проработала больше, чем вам лет? – Тут она начала плакать, чего я совсем не ожидал. Я окончательно растерялся и сидел весь бледный. А уборщица все не унималась. – Сорок пять лет корячусь, работаю не покладая рук, и никто спасибо не скажет, на Восьмое марта даже открытки не подарит. (При этих ее словах я окончательно почувствовал себя подонком, 8 марта было месяц назад, и я мог, действительно, подарить ей

хотя бы шоколадку.) Зато начальников полный рой, каждый норовит упрекнуть, накричать... Что же это, господи-боже, делается на этом свете, где же это справедливость?

Уборщица уже вымыла весь кабинет, но, видимо, вошла во вкус и продолжала уже драить пол по второму кругу. Ей явно понравилось изображать из себя человека, обделенного судьбой, да и где она найдет еще такого благодарного слушателя? Мне ситуация решительно не нравилась, да к тому же я не получил ответа на заданный вопрос.

– Вы извините меня, если я что-то не то сказал, это не со злости. – И тут же добавил, как пионер: – Честное слово.

– Ничего, я привыкла к людским обидам. – Похоже, уборщица уже сама догадалась, что третий раз мыть кабинет будет чересчур. Она для проформы протерла два стола, подоконник и, собрав свой нехитрый инвентарь, направилась к двери.

Не кинет же она в меня ведро?

– Так как покойного мужа звали?

Мы в третий раз в течение уборки кабинета встретились глазами. Мне показалось, что она поверила, что спрашиваю я не из праздного любопытства.

– Андрей Павлович, – и она вышла в коридор, закрыв за собой дверь.

Фуух. Ну слава богу, что не Дмитрий Павлович, не Андрей Дмитриевич, и фамилия, надеюсь, у него не Дмитриев была. А все-таки я порядочная скотина, у человека горе произошло, а меня волнует только мой дурацкий сон и чтобы ее покойного мужа звали не Дмитрий. Я расслабился, уже подумал позакрывать сайты о сновидениях, как вдруг меня осенило. Сорвавшись с места, я бросился за уборщицей в коридор.

– Извините еще раз! А умер ваш муж какого числа? – Я подумал, что она сейчас вновь начнет причитать, а может, просто пошлет меня. Но услышал тихий ответ:

– Двадцать третьего. Только он не сам умер, его убили.

Глава 4 РАЗГОВОР С МАМОЙ

10 апреля. Понедельник

Убили. Двадцать третьего? Я сидел в кресле в своем кабинете и думал непонятно о чем. Похоже, у меня было скучное детство, если я сейчас пытаюсь связать убийство мужа уборщицы со своим сном. Нужно было больше детективов читать и поменьше играть в солдатики. Ну да ладно, если представить, что я не псих, что тогда моя фантазия накопает? *Итак, в моем сне Димка Обухов установил на часах цифру 14. Я ее, без всяких на то оснований, приплюсовал к вчерашней дате «9» и получил 23-е число – день Пасхи. Хотя спал я уже десятого, т. е. получается 24-е. Да, но знаки я получать начал еще девятого. Теперь вот уборщица. Ее мужа, и узнал я это совершенно случайно, т. е. тоже своего рода знак, убили 23-го. Таким образом, все вокруг меня указывает на число 23. Хорошо, но почему я решил, что это будет именно апрель? Только исходя из того, что ближайшее 23-е будет в апреле? А может, это год указан? Связь-то слишком уж натянута у меня. Впрочем, хорошо. Таки предположим, что это будет двадцать третье число, и именно апрель сего года. Что тогда должно произойти? Пока я получил только одну более или менее внятную наводку – убийство. Получается, складывается интересная цепочка: Димка Обухов – 23 апреля – убийство. При этом Обухов может непосредственно и не входить в это звено, быть может, он лишь знак предупреждения.*

Тут я вспомнил о предупреждающих сновидениях, о которых до сих пор не прочитал, и принялся за них вновь. *«Эти сны, как правило, основаны на подсознательном знании того или иного факта и попытке подсознания передать эти сведения сознанию. Например, человеку снится, что он едет в машине и у него внезапно отказывают тормоза. Все дело в том, что подсознательно он давно уже ощущал, что тормоза пора проверить, но повседневные дела и заботы не давали этой мысли сформироваться окончательно...»*. Я оторвался от чтения и задумался. Я ведь знал, что Димка Обухов похоронен в Василькове, и когда произошла остановка автобуса, я об этом не думал, потому как волновало меня больше опоздание в Столицу, пятичасовая духота в салоне и сегодняшнее собеседование, которого так и не было. А уже во сне я вспомнил об Обухове по той причине, что вынужденная остановка произошла рядом с местом его захоронения. *Это все хорошо, ну а тогда как объяснить число 23, которое меня преследует уже второй день?*

Прочитав о предупреждающих снах, я обратил внимание на последнюю классификацию – «вещие сны». *«Это самый загадочный и непонятный тип сновидений. И единственное, что можно сказать о них совершенно определено – это то, что они существуют. Помните: вещие сны приходят во второй половине сна, когда тело и сознание уже отдохнули»*. И больше ничего о вещих снах написано не было. Как-то негусто: они «существуют», и все.

А дальше понимай, как хочешь. И что значит «вторая половина сна», как ее определить? Я проснулся около трех часов ночи и смог заснуть второй раз только под утро, так это какая, значит, половина сна? В общем, пока только одни вопросы.

От размышлений меня оторвал телефонный звонок. Я снял трубку:

– Да.

– Привет, сынок, как у тебя дела? Хорошо доехал? – звонила мама, ее голос меня сразу успокоил.

– Привет, ма, нормально доехал, сейчас вот на работе.

– Ну, это я поняла. Как твое собеседование?

– А его не было и не будет. Сущенко все наврал, чтобы я вышел на работу.

– Ну чего ж он такой бессовестный? Так побыл бы еще рядом со мной.

– Да ему просто влом одному сидеть за двоих, вот и соврал. Я тебе сразу говорил.

– А как твои перспективы закрепиться на работе?

– Ма, ну говорил же тебе сто раз, не-зна-ю! – Мое ближайшее трудоустройство является сейчас нашей больной темой, и мы по очереди друг друга этим достаем. – Выборы мы проиграли, сейчас будет сокращение штата.

– А ты к шефу уже ходил, узнавал свои перспективы?

– Еще нет. – Я депутата С. терпеть не мог, за три года он мне ужасно осточертел. – Обязательно схожу на днях.

– У тебя все на днях! – Мама стала говорить криком. – Пойдешь, когда уже будет поздно, окажешься на улице! Ты этого добиваешься?!

Честно говоря, порой мне кажется, что ее больше волнует то, как она объяснит всем своим соседям, подружкам и знакомым, почему я вернулся в Г., чем, собственно, мои реальные проблемы с работой.

– Мама, не кричи! – я тоже повысил голос. – Ты позвонила, чтобы испортить мне настроение?!

– Мне порой волком выть хочется, что у меня такой безалаберный и бестолковый сын, который без мамы ничего решить не может! Тебе уже двадцать пять лет, а ты не можешь поговорить с шефом о своем будущем!

Я почувствовал, что мама сейчас на грани нервного срыва и готова бросить трубку. Честно говоря, я сейчас и сам хотел бросить трубку, но ведь знаю, что она будет потом плакать, а у меня будет паскудное настроение. Поэтому, пока не поздно, я решил сменить тему.

– Ма, я поговорю с С., честное слово. Слушай, мне этой ночью Димка Обухов приснился.

И хотя я не видел сейчас ее лица, сразу понял, что мама как-то напряглась. Вообще моя мама весьма открытый и прямолинейный человек, а такие люди совершенно не умеют врать. Не то чтобы они не пытались врать, нет, но у них это совершенно не получается.

– Да? И что тебе именно приснилось? – мама постаралась задать вопрос как можно более непринужденно, но я почувствовал, что она уже забыла нашу ругань о моей работе и сейчас пытается выяснить все детали моего сна.

– Он пришел ко мне во сне и пытался подарить мне часы. При этом был каким-то злобным и все время указывал на часах цифру 14. Ты ведь знаешь, как я относился к Димке в школе, он меня всегда не любил и во сне тоже со злорадством пришел. Я тут приплюсовал эти 14 к вчерашней дате, получилось 23 апреля, как раз Пасха. Вот и подумал, может, что-то нехорошее должно со мной произойти в этот день? – О других знаках, указывающих на 23-е число, я ей говорить не стал, и про убитого мужа уборщицы тоже не сказал – и так много лишнего наговорил.

– Не говори глупостей, ничего с тобой не случится, особенно в такой святой день, как Пасха. И вообще, когда снится покойник, – это хороший знак. Я сейчас посмотрю сонник, а ты мне перезвонишь через час и поймешь, что ничего страшного в этом сне нет. – Мне показалось, что мама больше успокаивает саму себя. – И сходи обязательно к шефу. Ну все, целую. И не забивай голову всякой ерундой. Перезвонишь мне через час.

– Пока, ма.

Тут же я вспомнил, что сам еще не читал в Интернете толкование снов о покойнике. В алфавитном каталоге я кликнул на литеру «П» и быстро нашел заголовок «Покойник, мертвец, труп». Кликнул на название, мне высветился небольшой абзац. «Видеть во сне умершего – неблагоприятный знак. После такого сна следует ждать получения печальных известий от тех, кто сейчас далеко от тебя». Дальше описывалось, в каком ракурсе приснился

покойник, лежащим в гробу или нет, был это близкий человек и клал ли ты ему во сне на глаза монеты. Ничего о том, что покойник дарит тебе часы и ухмыляется в ответ, в соннике сказано не было. Но однозначно говорилось о том, что это неблагоприятный знак. Собственно, я и не сомневался.

Опять зазвонил телефон. Это снова была мама, прошло только минут десять, как мы закончили говорить.

– Звоню тебя успокоить. Слушай. – И мама стала зачитывать толкование сна с участием покойника. – «Увидеть во сне покойника – к добру. Это указывает на скорое выздоровление от старой болезни. Покойник, дарящий часы, – правильное распределение своего времени.». Мама читала дальше, но я ее слушал уже вполуха. *Она мне врала. Зачем?* Только что я читал обратное, и однозначно, что и было написано в соннике Миллера: покойник – дурной знак.

– Я тебя успокоила?

– Что? А, да, – теперь уже и я соврал. – Слышь, ма, а Обухов точно умер от пневмонии?

– Конечно, от пневмонии, что у тебя за вопросы?! Наберешь в голову какой-то ерунды и ходишь с ней. Лучше бы о работе своей подумал. – Мама опять заводилась, но мне показалось, что теперь она хочет специально сменить тему и не говорить о смерти Димки. Я почувствовал, что затронул тему, о которой мама знала намного больше, чем хотела говорить. Но повторять вопрос не было никакого смысла, все бы закончилось криком и брошенной трубкой.

– Ладно, ма, я буду работать. Ты меня отвлекаешь.

– Работать он будет – как ни позвоню, он ничего не делает, а тут «работать». Ладно, пока. И сходи обязательно к шефу.

– Пока, мам.

Я положил трубку и вновь задумался. Что-то с этим Обуховым не так. Умер он прошлым летом, в июне. Может, летом люди и умирают от пневмонии, не знаю, я ведь не врач, но все же это простудное заболевание, и чтобы летом? Странно все это.

Тут опять раздался звонок.

– Да! – голос от постоянных звонков у меня был раздраженным.

И снова звонила мама.

– Сынок, ты знаешь, что сделай. Я ее перебил:

– Мам, я же работаю! Ну сколько можно звонить?!

– Не кричи на мать. Сходи сегодня в церковь и поставь две свечи. Одну за упокой Димки, а вторую за свое здоровье. Это так, на всякий случай.

– Ма, в какую церковь? У меня дел полно. И молитв я никаких не знаю, зачем этот цирк?

– Тебе трудно сходить? Это еще никому не повредило. Сходи, прошу тебя.

– Ну ладно, схожу. Только я ведь не знаю, куда какую свечку ставить. Вдруг спутаю, и ту, что за здоровье, поставлю за упокой?

– Ничего не путаешь. Спросишь у батюшки или у бабушки, которая свечи продает. Тебе все объяснят. Сходишь? – В ее голосе четко читалась просьба.

– Да схожу, схожу, – пробурчал я уже для проформы, почувствовав, что и в самом деле не помешает сходить.

– Ну ладно, не буду тебя отвлекать от твоей «важной» работы. Все, целую, – и мама повесила трубку.

Глава 5 ЦЕРКОВЬ

10 апреля. Понедельник

Сущенко на работе так и не появился. Позвонил и сказал, что у него «проблема с ногой» (Боже, а с чем у него нет проблем?), о собеседовании добавил, что то были слухи и что он обязательно придет на дежурство завтра. Досидев в кабинете до обеда и решив, что на сегодня работы достаточно, я таки пошел в церковь.

Надо сказать, что религиозного воспитания у меня практически никакого, дед мой – потомственный коммунист, к тому же некрещеный, сам я работаю в атеистической Конторе, да и с мамой мы крестились в один день, когда мне было семнадцать лет, а ей уже сорок три. При этом крещение-то было достаточно спонтанным и сумбурным. Я пришел из школы и не успел раздеться, как мама с порога сказала, что мы буквально сейчас идем к батюшке на дом креститься. Все дело в том, что мама в то время разводилась с отчимом – она его любила, а он был подонком, который к тому же нас обокрал. Положа руку на сердце, я был весьма рад этому разводу, мне надоели его постоянные попойки и дебоши в доме. Мама очень тяжело переносила тот период в своей жизни, да к тому же отчим уходил не просто так, а к другой женщине, что всегда больно бьет по самолюбию. Мама называла ее исключительно «дрянной сучкой» и «ведьмой», и сначала я думал, что в ней играет ее естественная злость и ненависть к человеку, разбившему нашу и без того не очень прочную семью. Но когда я под нашей входной дверью наткнулся на разбитое яйцо и какой-то порошок, то начал воспринимать ведьмой тетку, уведшую мужа у моей матери, вполне буквально. С тех пор моей маме стали не чужды гадания с ее подружками (все как одна – разведенки) на картах, чтение всяких газет, наподобие «Нострадамуса», и регулярное посещение церкви. Как последнее соотносится с оккультизмом, я, честно говоря, представляю с трудом, но меня до недавнего времени это и не интересовало.

Чего хватает в Столице, так это церквей. Выбрал я одно из красивейших церковных сооружений города, расположенное возле университета, в котором я учился, – Владимирский собор. Весьма внушительные размеры церкви, ее привычный желтый фасад доселе интересовали меня исключительно с точки зрения архитектурной и культурной ценности. Не скажу, что когда-нибудь стремился обойти все церкви города, но именно в этой бывал неоднократно. Впервые я шел в церковь с какой-то конкретной целью, до этого ни разу ни на каком религиозном празднике в церкви я не был и, как ни странно, свечи тоже собирался поставить впервые.

Пройдя центральные двери, я после яркого солнечного света очутился в полумраке, кругом было достаточно много народу – туристов и верующих, пришедших помолиться, тех и других приблизительно поровну. Определил я это по количеству не спеша молящихся старушек и остальных людей, праздно шатающихся рядом с ними по периметру церкви и рассматривающих иконы и росписи на стенах.

Слева от меня находился длинный прилавок, за которым бабушка торговала религиозными книгами, крестиками, иконками и свечками. Я направился к прилавку. Свечи стоили от 50 копеек до 7 гривен за штуку.

– Добрый день.

– Здравствуйте. Что-то желаете купить?

– Да. Дайте мне две свечи за. – Я замялся, размышляя, какие лучше взять, самые дорогие отпадали однозначно, но и за 50 копеек брать было как-то несолидно. – .полторы гривны.

Я протянул десятку и получил две свечки. Когда бабушка отсчитывала мне сдачу, я спросил:

– А куда нужно ставить свечку за упокой?

– По левую сторону, в самом конце у траурной Божьей Матери. Вы увидите, она вся в черном одеянии.

– А за здравие где ставить?

– Везде можно.

Я поблагодарил и направился в сторону траурной Божьей Матери. Там уже стояли и, наверное, молились средних лет женщина и старушка. Свечек было намного больше, чем в других колоннадках, меня это даже удивило. И я вдруг решил их сосчитать. *Раз, два... семь... тринадцать... двадцать один, двадцать два... Не может быть!.. Двадцать три.* Я еще раз пересчитал, уже внимательней. Их было по-прежнему двадцать три. Я стоял в нерешительности, у меня вновь испортилось настроение. Как только я начинал понемногу расслабляться и забывать свой сон, как получал очередной знак, указывающий на это проклятое число 23. И тут меня осенило, *ведь это до меня 23 свечки, а вместе с моей их будет уже двадцать четыре! И тогда Димка успокоится!* Я зажег от близлежащей свечки свою и поставил ее в ближайшую к себе лунку. При таком количестве свечек моя оказалась как бы в стороне, я только сейчас это заметил, но переставлять ее поближе к остальным было бы глупо. Для нагрузки я решил еще и помолиться, но понял, что не знаю ни одной молитвы. Я заметил над самой Божьей Матерью написанную на табличке молитву, но из-за полумрака и контактных линз я различал только отдельные слова, которые были ближе ко мне: «...Господа... упокой... сынов твоих.». Тогда я решил помолиться от себя, как уж получится. *«Димка, я не держу на тебя никакого зла. И ты меня прости, если когда чем-то обидел тебя. Пусть твоя душа найдет покой. Аминь».* Как-то коротко получилось, но хоть так. Я еще раз посмотрел на женщину и старушку, они все так же стояли и, опустив глаза, молились. Я направился в противоположную сторону церкви поставить свечку за свое здоровье. Пройдя к алтарю, я друг остановился и оглянулся. Женщина и старушка все еще стояли возле траурной Божьей Матери. Только теперь они повернулись в мою сторону и на меня глядели две испуганные пары глаз. Я проследил за их взором, и у меня все похолодело. Внизу, у основания колоннадки, лежала поставленная мной свечка. По-видимому, я ее забыл прижечь, но углубление в лунке ведь достаточно большое, как она могла упасть? *А в колоннадке свечек опять стало двадцать три. Димка не принимает моего прощения?* Тут же я заметил, как старушка перекрестила меня. Я не стал дальше на них смотреть и решил завершить начатое. *Отлично, теперь осталось только, чтобы еще поставленная свечка за мое здоровье упала, тогда совсем будет замечательно.* Я специально выбрал колоннадку, где стояло наименьшее количество свечек (главное, чтобы не 23), тщательно прижег лунку и поставил свечку. Выдумывать «молитву за свое здоровье» на этот раз, я решил, не стоит, а вместо этого подошел к табличке, где эту самую молитву решил прочитать. Но мне не повезло, стоял я возле некоего архангела Михаила, и молитва на табличке касалась благоденствия и успеха для близких людей. Тогда я опять выдал про себя молитву, только уже о своем здоровье, получилось еще короче, чем в случае с Димкой, и быстрым шагом вышел из церкви.

Все получилось опять через жопу. Мама моя права. Я не в состоянии не только зайти к шефу и поговорить с ним о своем будущем, но даже нормально поставить две свечки в церкви! Навстречу мне шла женщина в темных очках и летнем красном платье. Она б еще в купальнике вышла. В этот момент кто-то завизжал, послышался визг тормозов, и, прежде чем оглянуться, я сделал шаг в сторону. Это меня спасло. Из-за спины на меня неслась черная «Волга». Выхав на встречную полосу, машина, чтобы избежать столкновения, резко вывернула на тротуар. Снеся металлическое ограждение, «Волга» пронеслась в нескольких сантиметрах от меня, обдав горячим воздухом. Зацепив газетный киоск, «Волга» окончательно

успокоилась, уткнувшись в фонарный столб. Все это произошло в считанные секунды и сопровождалось скрежетом металла, звоном разбивающегося стекла и диким визгом какой-то девицы. Самое чудовищное было то, что я оказался в эпицентре события. Вокруг собралось огромное количество людей, кто-то стал вызывать по телефону «скорую».

Я же стоял в центре образовавшегося амфитеатра, сразу за «Волгой», и совершенно очумелыми глазами смотрел по сторонам.

– Парень, с тобой все в порядке?

– У него шок. Присядьте, сейчас приедет «скорая».

– Посмотрите, что там с водителем.

Начался гам, подобие которого я вчера наблюдал в автобусе. Я посмотрел на «Волгу» – водитель, похоже, потерял сознание, а может, и еще хуже. Автоматически посмотрел на номер машины – 1023 ДО. *Что, блин, за номер такой? Сейчас ведь пятизначные номера. 1023. Сегодня десятое, ну а 23 – и так понятно. А ДО? Ну конечно, Димка Обухов.*

– Попейте водички, – какая-то девушка протягивала мне бутылку с минеральной водой.

Я вышел из ступора. Направился к толпе, которая тут же расступилась передо мной, и быстрым шагом направился в сторону своей общаги. Со спины я услышал обрывки фраз:

– Парень только что из церкви вышел.

– Повезло, вовремя надумал в святое место зайти...

Трясти меня начало только возле общежития. Я осознал, что чуть не погиб нелепой смертью. Хотя когда смерть бывает «лепой»? Зайдя в комнату, решил поздороваться со своими соседями. Воняло по-прежнему сильно.

– Як справы? Що сьгодні новаго? – это меня спросил тот, что потолще, кажется, его все-таки Мыкола зовут.

– Да нормально, работы полно.

– А чого такой блидый?

Сам ты «блидый», лопух сельский.

– Да утомился сегодня, весь день в кабинете.

– А-а-а.

Мне опять не хотелось есть. Но теперь не из-за постоянной вони, я к ней уже начинаю привыкать, а из-за пережитого стресса. Через полчаса мои сожителы легли спать, а я улегся читать Лукьяненко. Четвертая часть его «Дозора» – полное говно, сразу видно, что мужик погнался за длинным рублем. Ну разве можно представить, чтобы Достоевский решил написать, скажем, «Идиот-2 – новые приключения Мышкина»? Этим, собственно, и отличаются Писатели от сезонного ширпотреба: первые никогда не эксплуатируют одну и ту же идею.

Во время чтения я пытался не думать о происшедшем со мною за день. Но содержание книги этому не способствовало. Да и волнует меня сейчас больше не трагедия, которую мне чудом удалось избежать, а предстоящая ночь. Меня неумолимо тянуло в сон. Я посмотрел на часы – без двадцати полночь. Боялся я сейчас только одного. *Чтобы мне опять не приснился Димка Обухов.*

Глава 6

ФОТОГРАФИЯ 1123

11 апреля. Вторник

Проспал всю ночь как убитый. Димка мне больше не снился, я вообще не помню, что мне снилось этой ночью. Меня не разбудили даже мои соседи, которые в сохранении особой утренней тишины ранее замечены не были. Умывшись и перекусив бутербродами, я стал собираться на работу. Был десятый час, т. е. уже опоздал. Запищал телефон, я получил эсэм-эску: «привет как съездил в г.? в субботу едем на дачу готовься». Это был Игорь, мой лучший друг. Правда, в последнее время мы значительно меньше стали общаться, как-то незаметно начали расходиться по жизни. Еще год назад мы по три раза в день звонили друг другу на работу и как минимум раз в неделю встречались.

Едем на дачу? Наверное, на дачу его новой девушки. Все потому, что у Игоря нет никакой дачи. Как, собственно, и квартиры в Киеве. Он, как и я, не житель Столицы, а лишь пытается им стать. К слову, нужно будет выяснить, как точно зовут его девушку, он с ней уже полгода, а я до сих пор не могу запомнить ее имени. А дача – это классно, мне просто необходимо сейчас развеяться.

На работу я дошел без приключений. Дорогу переходил исключительно на зеленый свет, под балконами домов пытался не идти, в метро на платформе не заступал за белую ограничительную линию, в общем, соблюдал все правила, как настоящий инженер по технике безопасности. На проходной охранник ключ мне не дал, сказал, что есть Сущенко. *Интересно, чего это он сегодня к одиннадцати?*

Открыв дверь в кабинет, я изобразил на лице приветливую улыбку.

– Доброе утро, Александр Иванович. По какому поводу так рано?

– Здравствуйте, Виктор, – мы пожали друг другу руки. – Вот решил заскочить на дежурство, может, наши объявятся.

(«Наши» – это секретарь идеологического отдела и заведующий идеологическим отделом, т. е. непосредственные наши начальники. Разницы в их обязанностях за три года я так и не узнал, подозреваю, что ее вообще нет. В целом интересен идеологический отдел тем, что в нем два начальника и двое подчиненных. А когда нам с Сущенко становилось просто невыносимо скучно, мы пытались найти наших начальников, чтобы получить какое-то внятное задание. К слову, найти их было не так-то просто, ходили они на работу еще реже нас.)

– Ага, объявятся. Они только раз в месяц возле сберкассы объявляются.

После обмена традиционными приветствиями, вопросами о здоровье и перспективах на будущее, мы плавно перешли к разговору о политике. Политика – это вечная тема Сущенко, разговоры о ней он готов вести всегда, и, похоже, за три года нашего с ним знакомства в моем лице он нашел достойного собеседника. Мы поспорили, кто же все-таки станет премьер-министром, затем в очередной раз согласились, что наш президент – тряпка, прошлись немного по внешней политике России, и приблизительно через час Сущенко ушел домой. Его «рабочий день» закончился. Я решил позвонить Игорю.

– СП-Центр «Колесо» слушает, – трубку взяла девушка. Игорь работает в автоцентре, чего-то там устанавливает в машинах. Правда, что такое «СП» я так и не знаю.

– Добрый день, можно Игоря?

– Да, сейчас, – трубку положили на стол. Прошло больше минуты, наконец Игорь взял трубку:

– Алло.

– Привет, как дела?

– Нормально, работаю. А у тебя как?

Меня страшно достает подобный обмен приветствиями. Но ничего лучшего еще не придумано, а Игорю, пожалуй, было все равно. Не говорить же вместо «привет» «приветик»?

– Так что там с дачей?

– В субботу едем на шашлыки на дачу родителей Юли. (*Ага, ее Юля зовут.*) Будем мы трое и мой ученик, его, кстати, тоже Витя зовут.

– Интересно, а ученицы у тебя там к такому случаю нет?

– Ученицы нет, он парень хороший, тебе понравится.

– Ну, ты меня успокоил. Что мне брать с собой?

– Да в субботу в маркете все возьмем, там по ходу решим.

Мы еще немного поболтали о всякой ерунде, а я все думал, рассказать ли ему мой сон. Еще каких-то полгода назад я бы без раздумий позвонил ему среди ночи и начал рассказывать о своих фобиях, теперь же все изменилось.

– Алло! – голос Игоря отвлек меня от размышлений – ты со мной разговариваешь или в Интернете сидишь?

– Да с тобой, понятно, я еще комп даже не включил. (Тут я соврал, компьютер я всегда включаю раньше, чем снимаю куртку.)

– У тебя еще что-то? У меня тут машина стоит.

– Да нет, Игорек, вроде бы все. Созвонимся на днях. Пока.

– Пока.

Я не стал рассказывать Игорю ни о своем сне, ни о том, как вчера меня чуть не сбила «Волга». Почему-то не захотелось. Работы по-прежнему не было никакой, и чтобы отвлечься от произошедшего за последние два дня, я стал размышлять, чем лучше заняться: смотреть порно или играть в компьютерную «стрелялку». Выбрал первое. Быстренько зашторил два окна (кабинет у меня на первом этаже, незачем прохожих эпатировать), закрыл изнутри кабинет на ключ (сотрудники намного хуже прохожих) и открыл свой любимый порносайт www.89.com. В ссылке «фото» выбрал раздел «хард» и стал наблюдать, как медленно загружается первое окно. На мониторе стали выделяться сначала кубики, затем кубики стали насыщенного яркого цвета и, наконец, они начали превращаться в маленькие фотографии. Я кликнул на первую, и в новом окне фотография стала открываться во весь экран. На мониторе появилась макушка, черные волосы, прикрытые глаза, маленький нос, дальше – тело женщины. Одетая она была в яркое красное платье. У женщины было симпатичное лицо, правда, глаза были полностью закрыты, зато под платьем проступала большая оголенная грудь. Фотография мне понравилась, и я решил ее сохранить. Тут же кликнул в верхнем левом углу значок «Сохранить», и компьютер выдал мне количество уже имеющихся у меня фотографий и номер текущей – 1123. Я уже собрался нажать «Сохранить как.», но вдруг вспомнил, что фотографий у меня в компьютере не больше пятисот. *Какого черта высветилось 1123?* Я тут же посмотрел номер последней сохраненной фотографии, так и есть, 488, стер число 1123 и набрал 489. Кликнул «Сохранить», но компьютер опять высветил цифры 1123, и под этим номером сохранил фото. *Идиотизм.* Я закрыл большую фотографию и кликнул следующий квадратик. В новом окне появилась какая-то совершенно голая потрепанная блондинка. На остальных открытых мною фотографиях была эта же блондинка, которая в разных позах удовлетворяла своего партнера (а может, он ее удовлетворял, это уже как посмотреть). Я вновь кликнул на самую первую фотографию, но опять появилась та же блондинка, только была она еще в лифчике и трусиках. Никакой брюнетки в красном платье не было. *Бред какой-то.* Я сохранил в компьютере одну фотографию блондинки в самой пикантной позе, и порядковый номер фото высветился: 489. Последующие фотографии сохранялись в тех же порядковых номерах, особняком стояла только фотография 1123.

Продолжать смотреть порнографию мне постепенно расхотелось. Я вернулся к сохраненной фотографии 1123 и кликнул на нее. Компьютер мне выдал «Ошибка в программе. Документ невозможно открыть». Я еще несколько раз попробовал открыть фотографию, но ничего не получилось. Мои фобии опять стали вылезать наружу. *Вчера была черная «Волга» 1023 ДО, сегодня фото 1123. Может, пора к врачу обратиться? И эта женщина... Стоп, вчера перед самой аварией я тоже увидел женщину в красном платье. А затем я чуть не погиб под колесами машины. Женщина в красном платье предвещает беду? Я посмотрел на часы, было начало третьего. Сегодня нужно просто пораньше прийти домой, нигде не напиться, не задерживаться допоздна, не бродить по злачным местам. Прийти в общагу, лечь на кровать, почитать книгу, посмотреть телевизор. Вот и все. Один профилактический день.*

Я не спеша выключил компьютер, надел куртку и, выйдя в коридор, закрыл за собой дверь. В этот момент в кабинете зазвонил телефон. Я стоял за дверью в нерешительности. *Вернуться – плохая примета. К черту, ничего важного там нет: мама, Суценко или Игорек звонят. А может, это из «Лукойла» по поводу новой работы? Но у них только мой мобильный, а он у меня в кармане.* Я повернул ключ на второй оборот, а телефон продолжал звонить. *Да, но ведь плохая примета – это когда что-то забыл и возвращаешься, а я ничего не забыл, меня просто возвращает обратно звонок телефона.* Последний довод меня убедил. Я открыл дверь, подбежал к телефону и взял трубку. Но услышал лишь длинный гудок вызова. *Дольше телиться надо было.* Я вновь закрыл дверь и уже направился по коридору к выходу, как в моем кабинете вновь зазвонил телефон. Я стоял в нерешительности несколько секунд, затем плюнул на пол и пошел на проходную сдавать ключ. Второй раз в кабинет я решил не возвращаться.

Глава 7 СТРАННЫЕ ВСТРЕЧИ

11 апреля. Вторник

Просто отсидеться в общежитии. Этой ночью мне ничего не снилось, за оставшиеся полдня ничего не случится и весь этот надуманный бред закончится. До общежития я решил дойти пешком, по времени это выходило столько же, сколько занимает поездка в метро, но зато никакой толкотни, потных маргинальных лиц и духоты. От Контрактовой площади я поднялся по Андреевскому спуску до Софиевской площади, повернул направо, вышел на Львовскую площадь и оказался в десяти минутах ходьбы от своего общежития. Было уже начало шестого, но людей по дороге мне встречалось до странности мало. Так обычно бывает в июле, когда почти весь Город на море и дачах, но никак не в середине апреля. Я подошел к светофору и стал ждать зеленого света. Через дорогу я увидел идущую брюнетку. В груди у меня сразу же похолодело. Она была одета точно так же, как на той злосчастной порнофотографии 1123, в ярко-красное платье. Тут же я вспомнил вчерашнюю женщину, увиденную мной перед аварией «Волги». Сейчас я готов был поклясться, что это был один и тот же человек. Прямо напротив меня была арка, куда брюнетка в красном платье и вернулась. Я стоял как вкопанный, а напротив меня черной пастью зияла зловещая арка. Наконец зажегся зеленый свет, а я все не решил, что мне делать. *Перейти дорогу здесь или в другом месте?* Я перешел здесь. Но вместо того чтобы повернуть направо, в сторону общежития, двинулся прямо в арку следом за женщиной. За аркой следовал небольшой внутренний дворик, а дальше еще одна арка. В ней мелькнуло красное платье, я ускорил шаг. Постепенно стало смеркаться. Наконец, я вышел на какую-то улицу (*раньше я здесь не был*) со старыми желтыми домами. Брюнетка была уже на середине улицы (*как она успела?*) и подошла к автобусной остановке. Я не спеша направился в ее сторону. Мимо меня медленно проехал большой черный автобус с тонированными стеклами. Автобус на остановке открыл двери, женщина вошла в него, но автобус продолжал стоять с открытыми дверями. От меня до автобуса было метров двести, людей на остановке больше не было (*их вообще нет на всей улице!*), и получалось, что автобус ждет меня. Я сначала ускорил шаг, но чем ближе был к автобусу, тем постепенно замедлял движение. Меня что-то смущало. Подойдя к двери, за первыми тремя ступеньками я увидел зияющую черноту. Ни женщины, ни пассажиров видно не было. Сделав движение в сторону двери, я посмотрел наверх и тут же отпрянул. Номер маршрута! Он был 1123! Все тот же чертов 1123! Из дверного проема на меня дхнуло земельной духотой, тут же двери со скрипом закрылись, автобус заурчал и так же медленно поехал прочь. Я остался стоять один на остановке.

Если я должен умереть 23-го, почему же смерть пытается прийти раньше?

Я пошел обратно к арке, пора было уходить из этого странного места (*где же люди?*) и добираться до общежития. Мельком впереди я увидел силуэт, присмотрелся и остолбенел! Прямо перед аркой стоял и смотрел на меня мой лучший друг Игорь Шест. В первое мгновение я безумно обрадовался, мне сейчас просто необходима была психологическая поддержка хоть кого-то, а уж лучшего друга... *Но что он здесь делает в рабочее время? Я несколько часов назад с ним разговаривал, у него ведь полно работы.* Впрочем, этот вопрос меня сейчас волновал меньше всего. Я замахал ему рукой и максимально ускорил шаг. Но Шест, как только увидел, что я его заметил, как-то по-странному, не разворачиваясь, а продолжая смотреть на меня, засеменял в черный проем арки. Казалось, что он даже не передвигает ноги, а просто парит в воздухе или едет на роликах. Так – спиной вперед и глядя на меня – Игорь и шел, пока не скрылся в арке. Мне показалось, что выражение лица у него было недоволь-

ное. Я в нерешительности остановился. *Может, обознался? Да нет, это точно был он.* Я побежал за ним и остановился только во внутреннем дворике. Никого не было. Я прошел вторую арку и вышел на оживленный проспект перед Львовской площадью. Людей было, как обычно, много, непонятно только, где все они находились двадцать минут назад. Игоря нигде видно не было. Я повернул в сторону общежития.

Лежа на прогнутой кровати, я размышлял о случившемся. *Итак, сон – это хорошо, но реальность начинает пугать куда больше. Вчера меня чуть не сбила машина, но это можно списать на случай. Такое случается не со всеми, но, тем не менее, на каждом шагу. При том, не сбила же меня машина. Сегодня случай с этой женщиной в красном платье. По большому счету, ничего фатального не произошло. Я сам пошел следом за женщиной и побоялся сесть следом за ней в автобус. Что здесь такого? Другое дело, что женщина весьма напоминала ту, которую я встретил вчера перед аварией, и ту, что была изображена на фотографии в Интернете. Да и номер фотографии совпадал с номером маршрута автобуса, что само по себе весьма странно. Что это все такое? Женщина в красном однозначно предвещает беду, и если бы я сел в автобус, скорее всего родные и близкие читали бы обо мне некролог.*

К слову, о близких. Что на той злосчастной улице делал мой друг Игорь Шест, и почему он от меня убежал? До недавнего времени я считал, что во всей этой истории был замешан только Дима Обухов, который никогда не был мне другом, теперь же появляется весьма живой Игорь Шест. Может, я действительно обознался, встретил парня, похожего на Игоря, вот и все. Завтра позвоню Игорю на работу и выясню.

Я взялся за томик Чехова (Лукьяненко отложил до лучших времен) и начал читать очередную рассказ.

Стоп! И как я собираюсь это выяснить? Ответ Игоря ведь очевиден: «Был на работе». Да скорее всего я обознался, и мы вместе над этим посмеемся, но если нет? Если это действительно был он? Что я ожидаю услышать? «Мне, братишка, влом было тебя ждать, вот я и убежал?» Да еще и таким странным образом, задом наперед. Прямой вопрос задавать Игорю не стоит, мы ведь в субботу едем на дачу, там за водкой можно будет осторожно поднять эту тему.

Я заметил, что читаю одно и то же предложение несколько раз подряд, так и не вникая в суть написанного. К черту этого Чехова, я отложил книгу и стал смотреть на белый потолок. Прямо надо мной была огромная трещина. Сосед напротив начал причмокивать во сне.

Ну, хорошо, допустим, это был Игорь. Что он там мог делать? Наблюдать за мной? Собственно, человек, которого я увидел и которому махал рукой, этим и занимался. А что в это время делал я? Чуть не залез в автобус 1123 вслед за женщиной в красном платье. Скорее всего, Игорь, если это был он, как раз за этим и наблюдал. Он ждал, войду я в автобус или нет. А когда увидел, что я его обнаружил, скрылся. И это его злобное выражение лица. Впрочем, это я уже надумываю. До него было метров пятьдесят, я не мог точно разглядеть его лица, особенно в сумраке, да еще и в своих контактных линзах.

Ладно, чего мне ждать завтра? Ну, во-первых, числа 1223. Сейчас уже среда, 12-е. Во-вторых, женщину в красном платье. Она предупреждает о какой-то неприятности, а числа 0923, 1023 и 1123 доселе напоминали о приближении 23-го, т. е. Пасхи. Все это было как-то связано с покойным Димкой Обуховым. Теперь же фигурирует (пока только предположительно) еще и Игорь Шест. Так, что еще мне известно? Уборщица? Нет, не думаю, что она имеет ко всему этому какое-то отношение. Она всего лишь выступила в роли знака, невольно сообщив мне о смерти своего мужа, убитого именно 23-го числа. Моя мама? Вот это скорее всего. Она что-то знает о Димке Обухове, при этом знает что-то нехорошее. И скрывает это от меня.

Итак, зацепок пока две. Игорь и мама. С первым легче. Его при желании можно увидеть в любой день, к тому же в субботу мы с ним едем на дачу. С мамой сложнее. Уви-

деть ее я собираюсь только ближе к Пасхе, т. е. числа 20-21-го, когда приеду в Г. Но к этому времени что-то выяснить и предотвратить беду, которая, похоже, должна со мной случиться, будет уже поздно. Можно, правда., съездить в Васильков и найти маму Обухова, она живет сейчас там, и попытаться что-то выяснить. Хотя, конечно, идея в целом глупая. Разговаривать с женщиной, которая чуть меньше года назад похоронила своего молодого сына, только из-за того, что этот умерший сын приснился, – по меньшей мере неэтично, если не сказать, что здесь вообще цинизмом отдает. Впрочем, какой у меня, собственно, выход? Продолжать дальше получать знаки и медленно сходить с ума? А с Игорем надо поговорить обязательно, но не по телефону. Вживую.

Глава 8 РАЗГОВОРЫ

12 апреля. Среда

День начался паршиво. На работу, как обычно, пришел к одиннадцати, и тут же в кабинете зазвонил телефон. Я с порога успел снять трубку:

– Да.

– Витя? – говорила секретарша шефа.

– Да.

– Ты один? Александр Иванович есть рядом? Понятно, что Сущенко еще не было.

– Нет, он в библиотеке, работает с документами. Скоро должен быть.

– Понятно. Тут вас двоих Алексей Иосифович к себе вызывает. Сначала ты сходи, а потом передашь Сущенко, когда он придет (*ага, если он придет*), чтобы тоже подошел.

– Мне прямо сейчас идти или дождаться Сущенко?

– Прямо сейчас иди, – и секретарша положила трубку. Алексей Иосифович Мартовский – второй секретарь нашей Конторы, де-юре он решает все кадровые вопросы, но без моего шефа С. самостоятельно ничего предпринять не может. Если Мартовский меня вызывает, а раньше я лишь раз был в его кабинете, когда получал премию, то значит, что «мои перспективы» с С. уже были обговорены и сейчас меня проинформируют о принятом решении. Я позвонил Сущенко, сказал, чтобы тот собирался побыстрее на работу, и не спеша побрел по коридорам к Мартовскому. На 99 % я был уверен, что меня будут увольнять.

Продержав меня минут десять для проформы в приемной (хотя никого у Мартовского в кабинете не было), секретарша дала знак, что можно войти. В просторном кабинете стоял здоровенный стол буквой Т, во главе которого сидел маленький и пухленький Мартовский. Сейчас он мне показался еще меньше и толще обычного. Я подавил в себе желание улыбнуться.

– Здравствуйте, Виктор Николаевич, присаживайтесь, – Мартовский наконец решил выйти из-за стола и протянул мне руку.

– Здравствуйте, – я уселся не на крайний стул у стола, куда мне указал Мартовский, а придвинулся поближе к нему. Еще не хватало тут миниатюру из чеховских рассказов изображать.

Мартовский уселся во главе стола, выждал паузу и начал:

– Тяжелые времена наступают, Виктор Николаевич, выборы мы проиграли, будем затягивать пояс. Вынуждены сокращать штат наполовину, оставляем только самых необходимых людей. Вот такие дела, Виктор Николаевич, – и Мартовский выжидающе посмотрел на меня.

А я тем временем вновь подавил в себе желание рассмеяться, но уже с большим трудом. Не дождавшись от меня ни слова, Мартовский спросил теперь прямо:

– Вы что-то себе уже подыскивали?

– Да нет, – тут уже я соврал, увольнением пахло последние полгода, и я все же не полный идиот, чтобы этого не замечать. Другое дело, что пока ничего конкретно я так и не решил со своим будущим трудоустройством.

– Ну ничего, до пятнадцатого мая у вас еще есть время, если ничего не найдете, мы вам поможем.

Да тут бы дожить до 15мая. При этой мысли мне сразу расхотелось смеяться. Я вспомнил свои приключения за последние три дня. Тут я заметил, что Мартовский что-то произнес и смотрит на меня.

– Извините, что вы сказали?

– Кто вы, по диплому?

– Магистр политологии. (*Вот он куда клонит.*)

– Так-так-так... – Мартовский скрестил перед собой пальцы и задумчиво уставился в потолок. – Магистр политологии, по-ли-то-ло-ги-и. Ну ладно, я разужнаю, куда бы вас можно пристроить. Хорошо?

Последнюю фразу можно было расценивать как «до свидания». Понятно, что ничего «разужнавать» Мартовский не собирался, но лоха надо лелеять, что-то оптимистичное он должен же был на прощанье сказать. Я поднялся и стал выкарабкиваться из-за длинного стола к двери. Мартовский тоже встал, подождал, пока я вылезу окончательно, и еще раз протянул мне руку.

– Всего хорошего, Виктор Николаевич.

– Всего хорошего.

Итак, я фактически безработный. Похоже, в скором времени стану еще и безжилицным, общага хоть и убогая, но ведомственная, и никто держать меня там просто так не будет. Зато появилось время разобраться со всей этой чертовщиной из моего сна, правда, работой я и раньше обременен не был. С такими мыслями я спустился с третьего этажа на первый и проследовал в пока еще свой кабинет. Кабинет представляет собой полужилую комнату, вещей моих здесь не меньше, чем в самой общаге. Поэтому в самое ближайшее время предстояло решить вопрос, куда все это добро девать, особенно если учитывать, что и с общагой перспективы неясны.

Вскоре пришел Суценко. Я ему пересказал свой разговор с Мартовским и тем самым дал понять, на что ему стоит настраиваться.

– Виктор, ну я пошел. Вы только меня дождитесь, хорошо?

– Конечно, я сегодня весь день на работе. Суценко пошел к Мартовскому, а я стал думать, чем заняться. Позвонить маме? Или позвонить дяде, спросить как там дела с «Лукойлом» продвигаются? Или... Или позвонить Игорю? С этим увольнением я совсем забыл о вчерашнем вечере. Хотя, стоп, я решил вчера, что не буду у него ничего спрашивать по телефону. Послезавтра едем на дачу, там все и выясню. Я вспомнил про вчерашнюю фотографию 1123. Вошел в папку «Пленум» (там у меня порно хранится), открыл раздел фото и... не обнаружил фотографии! Последняя сохраненная фотография была под номером 512, никакой 1123 не было! *Может, кто-то залез в компьютер и стер ее? Ага, Суценко, которого сутки на работе не было. Или уборщица, которая даже не умеет включать компьютер.*

В это время запищал телефон. Звонила мама.

– Сынок, привет! Как твои дела?

– Привет, ма. Да так, пятнадцатого меня рассчитают.

– Как рассчитают?! На каком основании?! Ты с С. говорил?! – мама быстро переходила на крик.

– Мам, я тебе сто раз говорил, что у нас намечалось сокращение и что я под него скорее всего попадаю. Вот и попал.

– Что значит «попал»?! Ты думаешь, что говоришь?! Ты вообще где работать теперь собираешься?! – мама уже откровенно кричала, и это меня страшно выводило из колеи.

Я тоже стал повышать голос:

– Ма, не надо орать! Вместо того чтобы меня как-то подбодрить, ты капаешь мне на мозги!

– «Орать»! Ты как с матерью разговариваешь?! – мама уже точно орала, ее голос из телефонной трубки разносился по всему кабинету. – Ты безалаберный оболтус, лентяй! Для чего я тебя пять лет проучила, чтобы тебя тут же уволили с первой работы?!

– Ма, меня не уволили, а сократили, и не «тут же», а через три года. Сокращение тотальное, половину сотрудников сокращают.

– Но почему-то ты попал именно в ту половину, которую сокращают! И что теперь? Мама должна приехать в Столицу и найти тебе новую работу?! Тебе уже двадцать пять лет!

– Мама, я сам себе найду работу! И нечего звонить мне и панику поднимать!

– Пока что ты сам себе высраться не можешь!

Мы оба были на взводе. Бросить в любой момент трубку готовы были и мама, и я.

Но неожиданно мама ровным голосом спросила:

– Ты в церковь ходил?

Я тут же забыл про все свои неприятности на работе. В голове мигом промелькнули события с упавшей в церкви свечкой, чуть не наехавшей на меня «Волгой», женщиной в красном платье и человеком, так похожем на Игоря Шеста.

– Да, ходил. Ма, а как Димка умер?

– Ты уже спрашивал. От пневмонии.

– Летом от пневмонии?

– Пневмонией можно заболеть в любое время года.

– И Димка, значит, умер от пневмонии?

– Ты не слышишь, что я тебе говорю? Дима Обухов умер от пневмонии, – последнюю фразу мама произнесла, четко выговаривая каждое слово, как будто убеждала не только меня, но и себя. – Еще какие-то вопросы ко мне есть?

– А может, Димку убили?

– Ты что, совсем идиот?! – Мама опять вспыхнула, но это была уже другая злость, не та, что еще несколько минут назад лилась на меня по поводу работы. Мама чего-то испугалась. – Ты бы лучше работу новую искал, а не ерунду всякую спрашивал!

В это время дверь в кабинет открылась и появился Сущенко. Я не хотел, чтобы он слышал мою перебранку с мамой.

– Ма, ну ладно. Мне надо работать.

– Ага, «работать». Где, на бирже труда? Ну ладно, я позвоню сегодня Юре в Москву, спрошу, какие у нас перспективы с «Лукойлом». Все, пока!

– Пока, ма!

– И не бери себе в голову всякую ерунду, – мама положила трубку.

Последняя ее фраза явно относилась не к теме работы. А Сущенко тем временем не спешил садиться за свой стол. Он дождался, когда я закончу разговор, а затем начал разгугливать по кабинету взад и вперед, пересказывая мне историю своего увольнения. В целом она была схожа с моей, различались детали, но я его почти не слушал. Мне его монолог стал совершенно неинтересен, для проформы я задавал какие-то вопросы, поддакивал, но все больше думал о своем. *Что мне сегодня делать? Съездить к Игорю. Он сейчас занят с машинами, буду его только отвлекать. Да и ерунда это все. А может, съездить в Васильков? Найти там маму Обухова, поговорить с ней о Димке. В молодости наши матери дружили, это я точно знаю. Но как я ее найду?*

– Как вы считаете? – Сущенко все не унимался и совершенно не замечал, что я его совсем не слушаю.

– Я считаю, Александр Иванович, что это полное безобразие.

Сущенко перестал двигаться по кабинету и с недоумением уставился на меня. Я явно ляпнул мимо. Но уже через мгновение Сущенко чему-то улыбнулся, сказал о моем «загадочном юморе» и продолжил наш «диалог» о моем увольнении. А я вернулся к своим размышлениям.

Через телефонный справочник? Но они переехали в Васильков года полтора-два назад, ее фамилии там может просто не быть. Спросить прямо у мамы? Во-первых, она не скажет, а во-вторых, скорее всего сама не знает. Они последние лет пятнадцать почти не общались. Так как же?

Сущенко надоело ходить по кабинету, и он уселся за стол. Говорить при этом, понятное дело, не перестал. А я вдруг вспомнил, что мама говорила, будто Димка Обухов вроде бы успел жениться на Соне. Соня училась со мной и Димой в параллельном классе, и из ее класса я после школы поддерживал связь только с одним человеком – Саней Харламовым. Но Саня уже несколько лет работает в Москве и приезжает в Г. только летом. Как его, черт подери, найти?

– Такие вот дела. Ладно, Виктор, я уже пойду, вы еще здесь будете? – Сущенко стал надевать куртку, и я понял, что он, слава богу, решил идти домой.

– Да, еще посижу немного.

– Вы завтра будете?

– Да, скорее всего.

– Ну, до завтра.

– До завтра.

Как только дверь за ним закрылась, я тут же взялся за телефон и набрал маму. Ограничивать себя в междугородных переговорах теперь не было никакого смысла, все равно увольняют.

– Что еще случилось? – по длинному звонку мама поняла, что это межгород, а именно – я.

– Да ничего нового. Слушай, ма, мне нужен телефон Сани Харламова, если я вдруг к дяде в Москву поеду, мне нужны ведь будут дополнительные связи. (Тут я откровенно соврал. К дяде в Москву я точно не собирался ехать, а уж если бы и поехал, то не стал бы там искать Харламова, не настолько уж мы были близки.)

– Не знаю я телефона. И чего это ты вдруг о нем вспомнил? Как он в Г. приезжает, что-то не припоминаю, чтобы ты с ним особо отношения поддерживал.

– Ну так то в Г., а это Москва.

– Не знаю, говорю тебе, я его телефона.

– Ну ты ведь можешь позвонить его матери и узнать?

– А потом тебе перезванивать? Ты знаешь, сколько я уже в этом месяце за переговоры должна заплатить!?

– Ма, я сам тебе перезвоню. Через двадцать минут, хорошо? Может, он мне что-то с работой подскажет. (Это было в точку.)

– Ну хорошо, – мама сдалась, – перезвони минут через пятнадцать.

Но уже через десять минут мама позвонила сама. Это ее натура такая. Никогда не будет чего-то ждать, если это можно сделать самой.

– Алло, дозвонилась я до Ольги Савельевны, дала она мне телефон, где он живет на квартире. Записывай: 8 107 495 – это код Москвы. И сам номер: 1661223. Записал?

– Да, – мое «да» вышло сиплым.

– Что у тебя с голосом?

– Да ничего, першит немного. Все, спасибо. Пока, – и я положил трубку.

Я тут же вспомнил сонник Миллера. «Видеть во сне умершего – неблагоприятный знак. После такого сна следует ждать получения печальных известий от тех, кто сейчас далеко от тебя». Саня был явно далеко от меня. Последние четыре цифры 1223 были уже понятны – сегодняшнее число и неумолимо приближающееся 23-е.

Нужно было еще выяснить, на что указывают первые три цифры – 166.

Я вновь придвинул телефон, набрал код Москвы, а затем и сам номер квартиры. В разгар рабочего дня он вряд ли будет дома, но попробовать стоит. Я насчитал пять гудков и уже собрался положить трубку, как вдруг услышал гулкое: Да.

Вместо того чтобы поздороваться, я спросил:

– А ты чего не на работе среди бела дня?

На том конце провода я уловил явное замешательство.

– Э-э-э... Это кто?

– Сань, это я – Витя Лесков. Помнишь?

– Витя? Лесков? – Саня не на шутку удивился. (Последний раз я его видел пять лет назад, когда учился на третьем курсе Университета и ездил к нему в общагу, где он мне помогал с заданием по экономике, что-то о мультипликаторе рассказывал. С тех пор я ему даже бутылки пива за помощь не выставил и ни разу не позвонил. Но Харламов в школьные времена дружил с Обуховым, и это сейчас было важнее, чем какие-то угрызения совести по поводу своей неблагодарности.) – Не ожидал твоего звонка. А ты сейчас где?

– Да все по-прежнему, в Столице.

– Мать говоила, что ты все еще в Контоле аботаешь? – он с детства на выговаривал букву «р».

Тут уже моя очередь была запнуться. Формально, конечно, еще работаю, но рассказывать сейчас, что только до 15-го, а после ничего не ясно, как-то не хотелось. Поэтому решил отделаться общим:

– Да, все там же.

– А что ж вы так на выбоах неудачно выступили? *А какое твое нахрен дело?*

– Да были определенные трудности, сам понимаешь. Слушай, ты знаешь, что Димка Обухов умер?

На том конце повисла пауза.

– Да, а что? – голос у Харламова стал строже, хотя он и до этого особо приветливым не был. Я понял, что напрямую он ничего мне говорить не будет. В детстве я часто жаловался маме на Димку, иногда перепадало за дружбу с ним и Харламову. И хотя Саня меня никогда не обижал, но в детстве недолюбливал точно. А потому я не видел ни малейшего повода, чтобы вывести его на откровенный разговор, к тому же еще и по телефону. Пришлось в который раз за сегодняшний день откровенно врать:

– Мама передала мне какие-то справки на имя Димки. Мне нужно их передать его матери, она сможет по ним получить материальную помощь. А я адреса ее в Василькове не знаю, вот решил у тебя спросить. – И, зная, что Харламов – экономист и банковский служащий – сейчас начнет расспрашивать что за справки, тут же добавил: – Горе все-таки в семье, единственный ребенок. Сейчас ей любая помощь не помешает.

Это сработало. По крайней мере, тон его голоса стал мягче, появились нотки сострадания.

– Я до сих пол не могу повеить, что он. – тут Харламов хотел сказать «умер», но, вспомнив, что у него получится «умел», изменил концовку, – что его больше нет.

– Знаешь, Саня, я ведь его особо в детстве не любил, но как это узнал, у меня внутри как что-то оборвалось. Все-таки толковый парень был, жаль, что так все получилось.

– Нельзя так говоить, но он сам виноват. *Виноват? В чем? Что умер от пневмонии? Может, его точно убили?*

– Ну, по крайней мере, в Г. мы чужим говорим, что он умер от пневмонии, – употребив слово «чужие», я автоматически вписал себя в круг своих, посвященных, и Харламов, похоже, это скушал. – Убийство – это всегда страшно.

– Какое убийство?

Тут я промахнулся. *Так его что, все-таки не убили? Уже ничего не пойму. Может, самоубийство?*

– Я, Саня, такую смерть называю убийством. На том конце опять повисла пауза.

– Ты плав, Витя. *(Боже ты мой, Харламов в кои-то веки назвал меня «Витя»!)* Налкота – это настоящее убийство.

*Наркота?! Обухов был наркоманом? Ничего себе! Харламова, что называется, про-
рвало:*

– Я сколько ему лаз говоил – бьасай эту дьянь. Мать мне его сколько плакалась. Специ-
ально они в Васильков из Г. уехали, чтобы вылвать его из компании налкоманов. Не спасли.

Я его перебил:

– Так что, Сань, адрес знаешь?

– Сейчас, подожди. Блокнот надо найти, – он начал шуршать какими-то бумажками. –

У тебя вообще со вле-менем как, не много наговоил?

– Да не волнуйся, Контора платит.

– А... вот... Нашел. Записывай. Улица Гагаина, 23. *Ну понятно, как же без двадцати
трех.*

– А дальше?

– Это все.

– Подожди, а номер квартиры какой?

– Это частный дом.

– А телефон?

– Нет там телефона, нужно ехать туда ближе к вечелу, чтобы застать Татьяну Алек-
сандловну или Соню.

– Угу, понятно. Значит, Гагарина, 23?

– Да, Гагаина, 23.

– Ну ладно, Саня, рад был тебя слышать.

– Давай, пока.

*Непонятно только одно. Если мама знает что-то об Обухове, зачем от меня скры-
вать, что он умер от наркоты, и выдумывать вместо этого какую-то пневмонию? А
может, мама сама не в курсе? Не знаю, не похоже, надо будет выяснить.*

Я откинулся в кресле. *Гагарина, 23. Поеду завтра.*

Глава 9 СТРАННОСТЬ

12 апреля. Среда

Позвонить Игорю или нет? Мне почему-то страшно этого не хотелось. Я таки решил, что сделаю это завтра. Посмотрел на часы, было начало четвертого. Может, сходить в кино, немного развлекаться перед завтрашней не самой приятной поездкой. Вообще походы в кино-театры по будним дням то еще занятие, но, собственно, чем еще можно заняться? Я выключил компьютер, позакрывал форточки, надел куртку и вышел в коридор. Пошарил по карманам, но ключа от кабинета не нашел. Вновь вернулся в кабинет, ключ лежал на столе. Когда стал закрывать дверь, зазвонил телефон. Вспомнив, что уже раз вернулся за ключами, решил плюнуть на предрассудки и во второй раз. Это был Игорь:

– Алло, привет! С кем это ты весь день говоришь, дозвониться до тебя не могу!

– Привет! Да так, то мама, то Суценко. Весь день покоя не дают, – я специально свел все телефонные разговоры на нейтральных для Игоря людей, не хотел, чтобы он заподозрил что-то.

Но Игорь продолжал любопытствовать:

– О чем говорили?

Это уже было в некоторой степени нагло с его стороны, но как для друга еще терпимо.

– Да обсуждали проблемы с работой, меня пятнадцатого мая увольняют.

– Еще о чем говорили?

Ну ни хрена себе! Тебе что, мало тем для разговора? Что ты, черт подери, пытаешься узнать от меня?

Но Игорь, видимо, и сам понял свою оплошность и перевел разговор на мое увольнение. И чем дольше мы говорили, тем больше я чувствовал, что ему глубоко плевать на мою работу. Он все время пытался услышать от меня что-то другое. Я окончательно решил для себя, что насчет вчерашнего вечера по телефону спрашивать не стоит.

Но Игорь вдруг сам поднял разговор:

– Чем вчера занимался?

Ему сейчас не надо прямо врать, он что-то знает. Нельзя его спугнуть. Но и правду о том, что я видел человека, похожего на него, говорить нельзя. Я еще ничего не знаю, нужно выдержать паузу до субботы.

– Игорек, не поверишь... Со мной вчера какой-то бжик приключился. Такое даже по телефону говорить нельзя, подумаешь, что я свихнулся. В общем, на шашлыках расскажу.

– Да ладно, говори сейчас. *Вот прицепился.*

– Сейчас будет неинтересно, я тебе еще предысторию рассказать должен. А это надолго. Так что, дружище, жди субботы.

– Ну давай хоть в двух словах, – Игорь не унимался.

– Так, все, Игорек, в субботу. И только под водочку, на трезвяк такое нельзя.

– А что ты завтра делать будешь?

– Да ничего, на работу выйду, может, порнушку посмотрю или еще чем-то займусь.

– Приезжай завтра ко мне на работу.

– Зачем?

– Дело есть. Водки выпьем, поговорим.

Очень странно. Обычно Игорь загружен на работе от и до, часто, когда я ему звоню, он просит перезвонить, потому что у него «очередная машина». А тут – бери и приезжай. Очень странно.

– Игорек, мы же в субботу встречаемся, давай побережем наши молодые печенки еще один день.

– Много пить не будем, у меня разговор есть.

– Ну а телефон людям для чего дан? – Я второй раз за наш разговор пытался от него отцепиться, и это становилось уже чересчур явно.

Игорь это тоже уловил и неожиданно выпалил:

– А знаешь что, я сейчас уже освободился (*это в полпятого!*), давай я к тебе приеду, дело важной срочности.

Такой навязчивости от Игоря я никогда не видел. Обычно в нашей компании чаще наг-лел я, а сейчас происходило все наоборот. Но волновало меня вовсе не это. По большому счету, мне особо и делать-то нечего было, но я страшно не хотел видеть сейчас Игоря. Что-то внутри мне подсказывало не встречаться с ним.

– Нет, Игорек, сейчас не получится тоже. У меня дела. Я только не пойму, чего тебе так нейдет? Уже волноваться начинаю за твои намерения относительно меня, – последнюю фразу я сказал как бы в шутку, но на Игоря это подействовало неожиданным образом.

– Да брось, парниша, ты чего? Просто водки хочется выпить – и всех делов. И ты прав, давай отложим нашу встречу на субботу. – И тут же он добавил: – Но чтобы в субботу был!

– Да, конечно, буду, куда я денусь. Ты видел ненормального, который бы на шашлыки отказался ехать? Буду, там и поговорим. – Я произносил эти дежурные фразы, хотя что-то в конце нашего разговора меня взволновало. Но что? *Парниша! Это дебильное слово любил говорить Димка Обухов!*

– Хорошо, Дима, пока! – Я оговорился случайно, просто в этот момент думал об Обу-хове, но, на мое удивление, Игорь на это отреагировал так, как будто его и впрямь зовут Дима.

– Пока, Витек, значит, до субботы.

Я положил трубку. Меня теперь волновал вопрос, каким образом связаны между собой Дима Обухов и Игорь Шест. То, что их детство прошло в разных местах, и то, что они нико-гда друг друга не знали, – это очевидно. Но, тем не менее, какая-то невидимая нить между ними есть. Единственное связывающее звено между ними это я, так как знаю обоих, вернее, одного уже только знал.

В это время опять зазвонил телефон. Я схватил трубку и гаркнул:

– Да!

Это был снова Игорь.

– Как ты меня назвал?

Я прикинулся валенком, хотя сразу понял, о чем он говорит:

– Игорек, выбирай из двух вариантов, лопух или зануда. Что тебе больше нравится? Разрешаю выбрать сразу все. – Еще недавно подобная шутка считалась бы ударной, сейчас же Игорь даже не рассмеялся.

Он немного помолчал и, наконец, выдал:

– Понятно.

– Игорек, ты о чем?

– Да ничего. А куда ты завтра едешь?

Я же ему не говорил, что собираюсь куда-то ехать!

– Ну, блин, начинается по новой! Сказал же, что на работу завтра еду. Только не начи-най опять про завтрашнюю встречу и водочку. Мы уже договорились на субботу, – я опять включил шуточно-игривый тон.

Но Игорь даже не подыгрывал мне, а был до необычайности серьезен:

– Конечно, на субботу. Так завтра на работе будешь. Угу... Ну давай до субботы, – и положил трубку.

Как он вообще может быть связан с Обуховым? Да просто никак! Я надумал какой-то чуши и вместо того чтобы вновь сблизиться с Игорем, сам от него отдаляюсь, выискивая каждый день какие-то дурацкие цифры. Может, действительно, плюнуть на эту поездку в Васильков и поехать завтра к Игорю на работу?

Я встал из-за стола, надел куртку и осмотрелся кругом, чтобы опять что-нибудь не забыть и не возвращаться. Посмотрел на телефон, он молчал. Я вышел в коридор и закрыл дверь на ключ. Поднял глаза наверх и увидел «166». Ну, конечно, номер моего кабинета сто шестьдесят шестой. Вот и недостающая комбинация телефонного номера Харламова – 1661223. *Но со мной ведь ничего плохого не приключилось сегодня в кабинете.* В это время за дверью вновь зазвонил телефон. Второй день подряд не брать трубку будет уже глупо. Но и возвращаться не хотелось, у меня и так в последние дни с плохими приметам перебор. Я решил досчитать число гудков до восьми, беспроигрышный вариант. Если звонок очень важный, человек обычно максимально долго не кладет трубку, а если так – языком только потрепаться, то вызовов будет не больше пяти-шести. Было уже четыре гудка, теперь пятый, шестой (*хм, может, действительно что-то важное?*), седьмой и. Все. Гудков больше не было. Довольный, я пошел по коридору к выходу, но тут опять зазвонил телефон. Я плюнул на все, вернулся в кабинет и взял трубку.

– Я слушаю.

– У тебя шампуров нет? – это был опять Игорь, как же он мне надоел за сегодняшний день.

– Нет, и никогда не было, ты же знаешь.

– Только что звонила Юля, сказала, что не может найти свои шампуры, вот я тебе и решил перезвонить, может, спросишь у кого в общаге?

– Ладно, спрошу, но я там никого не знаю. Вряд ли мне их кто-то даст. Слушай, а ты только что мне не звонил?

– Нет, я же сказал, что только что говорил с Юлей. А что, кто-то звонил?

Умно.

– Да, я из туалета возвращался и не успел взять трубку.

– Ты уже домой валишь?

– Нет, еще в инете посижу.

– Угу. Ну, давай.

– Пока.

Не поеду я завтра к нему на работу.

На улице было немного прохладно, но наступление настоящего летнего тепла уже чувствовалось отчетливо. Я не спеша направился в общагу, делать было особо нечего. Как и вчера, я поднялся по Андреевскому спуску и повернул направо в сторону Львовской площади. Когда я дошел до пешеходного перехода, сразу вспомнил о женщине в красном платье. Людей кругом было полно, но никого в красном. В этом городе люди вообще как-то серо одеваются, кругом одни темные оттенки. Переходя дорогу, я посмотрел прямо и от неожиданности даже остановился. Никакой арки напротив пешеходного перехода не было! Вчера здесь был проход во внутренний дворик, а сейчас дом со сплошной стеной! Просигналила машина, я вспомнил, что стою на проезжей части дороги, и быстренько добежал до тротуара. Уставился на дом уже там. *Может, я ошибся? Да, я точно ошибся, иначе как это объяснить? Но дорогу до общаги я перехожу только в одном месте, именно на этой «зебре», другой здесь попросту нет. И вчера прямо передо мной здесь была арка, за ней дворик, а затем какая-то улица.*

Я решил обойти дом, чтобы посмотреть, что находится за ним. Он оказался длинным, а сзади, вплотную к нему, стоял следующий дом. Оба дома стояли буквой «Г». Их фасады прямо выходили на Львовскую площадь, поэтому внутренний дворик и та улица могли быть

только с другой стороны. Я обошел и второй дом, но прямо за ним был совершенно другой, большой, в отличие от моего вчерашнего, двор. Никакой второй арки, выходящей опять же на мою вчерашнюю улицу, не было. Как не было и первой. Я прошел еще несколько домов и вышел на широкий проспект, который не имел ничего общего со вчерашней улицей из желтых старых домов. Получается, я или ошибся, или у меня уже бред начался. Можно не найти целый дом с аркой, но не найти улицы в центре города – это уже слишком. Где-то я вчера ведь был! Я вернулся обратно на Львовскую площадь. Попытался обойти дом, стоящий напротив пешеходного перехода, с другой стороны, но там шла сплошная застройка, дома плотно прилегали друг к другу. А сразу за ними начиналась моя улица, ведущая прямо к общежитию. Туда я и пошел.

Глава 10 ПОЕЗДКА

13 апреля. Четверг

Утро выдалось теплым и по-настоящему весенним. Меня даже не разбудили мои соседи. В кои-то веки я сделал зарядку, долго стоял перед зеркалом и зализывал непослушную челку, она все время ложилась не в ту сторону, куда я хотел. Настроение у меня было отличное. Я надел свои любимые голубые джинсы, белый пуловер, белые же кроссовки и вышел на улицу. Посмотрел на часы, было начало девятого, даже не помню, когда последний раз я так рано выходил куда-то. Но больше всего меня радовало то, что минувшую ночь я проспал отменно. Мне ничего не снилось, вернее, я совершенно не помню своих снов. Более того, спал я исключительно на спине, как будто это не я потерял работу и не я последние несколько дней думал исключительно о смерти. Именно в эти минуты все мною пережитое казалось надуманными фобиями, миражом богатого воображения, не больше. С такими мыслями я спустился к близлежащей дорожной развилке возле своего общежития и уже собирался повернуть во внутренние дворы, чтобы быстрее дойти до метро, как увидел то, что мне мигом испортило все утреннее настроение. Прямо посреди развилки стояла и смотрела в мою сторону та самая брюнетка в красном платье. Лицо ее было симпатичным, с правильными чертами, но глаза. – с ее глазами было что-то не то. Как будто она слишком переборщила с тенями. Я автоматически подошел чуть ближе и остановился. На меня смотрело лицо с пустыми глазницами. *Да нет, она просто кареглазая, не может человек вот так, без глаз, ходить по городу.* Тем не менее я не решился подойти ближе. Вырисовывалась интересная картина, мы смотрели друг на друга (если можно так выразиться о девушке без глаз), я стоял значительно выше ее, так как дорога круто шла вниз к развилке. Людей на улице не было совершенно, к чему я уже начал понемногу привыкать. В этот момент из-за поворота вынырнула черная «Волга» и совершенно бесшумно задним ходом подкатила прямо к девушке. *Опять черная «Волга».* Брюнетка открыла заднюю дверцу, села в машину, и та так же бесшумно и медленно направилась ко мне. Я отпрянул, но куда бежать не стал. «Волга» остановилась напротив меня, и вновь открылась задняя дверца. Я вспомнил эту брюнетку на порнофотографии, вспомнил, какое у нее шикарное тело, мне чертовски захотелось увидеть ее обнаженную грудь, заняться прямо сейчас в машине с ней сексом. Я сделал движение по направлению к машине, из открытого проема меня обдал запах слащавого аромата.

В этот момент в голове у меня прогремел голос мамы: «Витя, стой на месте!»

Это меня отрезвило, я сначала остановился, а затем сделал два шага назад. С заднего сиденья «Волги» раздалось ядовитое шипение, старческая рука, облаченная в красный рукав, появилась на свет и закрыла дверцу изнутри. Машина тихо тронулась и поехала в направлении Львовской площади. Я посмотрел на номер «Волги»: 81-04А, странный номер. Никаких цифр 23 не было, это уже хорошо. Но тут же меня прошиб озноб. В 1981 году я родился, то есть, если к первым двум цифрам приписать 19, то получится год моего рождения, а 04 – это четвертый месяц, на что и указывает литера «А» – апрель. Но родился я в октябре, значит, апрель. *это месяц смерти.*

Я по-прежнему брел к метро. Настроение уже было паскудное, вся утренняя бравада куда-то подевалась. Под стать менялась и погода. Небо затягивали низкие грозовые тучи, в Столице явно намечался сильный дождь. Я спустился в метро и доехал до станции «Либидская», там сел на маршрутку и поехал на Теремки. Именно от Теремков следовало добираться на Васильков, ловить маршрутное такси или попутную машину. Уже на Либидской небо было значительно светлее, но над северной частью Столицы, пожалуй, уже шел дождь.

До Теремков я добрался быстро и так же быстро остановил маршрутку, которая ехала на Васильков. Маршрутка была почти пустая, люди в это время в основном ехали на работу в Столицу, вечером будет все наоборот. Я спросил у водителя:

– Сколько времени ехать до Василькова?

– Двадцать пять хвылын.

– А где вы останавливаетесь?

– Биля Центрального автовокзалу.

– А не знаете, улица Гагарина от него далеко?

– Хлопець, там спытаешь, я нэ знаю, я з Столыци. *Ага, ты так же со Столицы, как я с Парижа.*

– А кладбище Васильковское далеко?

– Будэм биля нього проезжать, побачыш. И не видволикай мэнэ, я не справочнэ бюро.

Водителя я достал изрядно, но мне нужно было хоть что-то выяснить. В конце концов, от него не убудет.

– Не ходи сегодня на кладбище.

Я обернулся, сзади сидела бабка, одетая во все черное. Как только я ее увидел, меня изнутри обдало холодком. Обычно украинские бабки и так страшенькие, особенно те, что из сел. Но эта была просто безобразна. Худосочное ссохшееся лицо, маленькие глазки и оттопыренная нижняя губа, которая постоянно дергалась. Но больше всего вызывал отвращение ее нос, вернее, его отсутствие. А там, где ему было положено находиться, была глубокая впадина и из нее торчала вата и какая-то деревянная палка, обозначающая контур носа. Зрелище было просто ужасное, да еще к тому же бабка находилась прямо за мною, в каком-то полуметре. При этом голос у нее был не под стать ее внешности, грудной, как будто ей было не за шестьдесят, а всего лишь лет тридцать. Она вновь повторила:

– Не ходи сегодня на кладбище. – И еще раз: – Не ходи сегодня на кладбище. Ха-ха-ха, ох ха-ха-ха! – Она начала заливисто смеяться, периодически повторяя одну и ту же фразу.

Я сидел бледный, не в силах пошевелинуться. Меня начало трясти, захотелось ударить эту тварь, остановить маршрутку и без остановки бежать обратно в Столицу, в свою общагу, зарыться там с головой в одеяло и никогда больше оттуда не высовываться.

– Так, всэ, прыхалы, – водитель остановил маршрутку и повернулся в мою сторону. Я посмотрел в окно, кругом было поле, мы стояли на оживленной южной трассе. – Всэ, кажу, вылазь. – *Он обращался к бабке.* – Я що тэбэ казав, щоб нормально сэбэ вэла. Вылазь, кажу.

На удивление, бабка его послушала и пошла к выходу, правда, все еще продолжала смеяться и смотрела исключительно на меня. Как только она открыла дверь, смех ее тут же прекратился. Она еще раз посмотрела на меня и сказала:

– Не ходи сегодня на кладбище, оно само придет к тебе, – и медленно закрыла дверь.

– Да йды вжэ, зовсим мэни хлопця запугала, – водитель нажал на газ. – Нэнормальная якась, зразу браты нэ хтив, так на тоби. – Он посмотрел через плечо на меня и добавил: – Да ты нэ бийся, зовсим, бачу, блидый сыдыш.

Просто старая идиотка, таких везде хватает. Погода тем временем продолжала портиться, на улице поднимался ветер, небо становилось черным. А мне еще предстояло искать эту чертову улицу Гагарина. При том, что еще не было даже полудня и мать Обухова, а также Соня скорее всего на работе. Я как раз стал думать, ехать ли сразу в Столицу, если никого не застану дома, или же подождать их в Василькове до вечера, как меня окликнул водитель:

– Ось воно!

Я сразу не сообразил и потому переспросил:

– Что?

– Кладовыщэ, ты ж запытував про нього.

Я посмотрел вправо и увидел надгробия и кресты. Кладбище было довольно-таки большим, оно начиналось за лесопосадкой и тянулось вдоль дороги, от чего его размеры казались еще большими. *Где-то здесь похоронен Димка. Оказывается, та злополучная остановка автобуса произошла рядом с этим местом.* Действительно, когда в это воскресенье остановился «Икарус» и я прочитал табличку «Васильков 6 км», это означало, что до Василькова шесть километров. Но кладбище начинается сразу перед Васильковым, значит, до него тогда еще ближе.

Мы ехали минут пять, а кладбище все не кончалось. Уже появилась табличка «Васильков», а кресты по правую сторону маршрутки все еще были видны. Наконец, появились первые дома, сначала частные одноэтажные, а затем и обычные панельные пятиэтажки. По лобовому стеклу маршрутки забились первые капли дождя. Они все усиливались и постепенно превратились в сплошной поток воды, начался ливень с сильными порывами ветра. Спереди показался автовокзал. Я приехал в Васильков.

Глава 11 ПОД ДОЖДЕМ

13 апреля. Четверг

Как я понял, автовокзал располагался почти в центре Василькова. Это было типичное совковое двухэтажное обветшалое здание с большими уродливыми окнами и грязно-синей крышей. Перед главным фасадом (если у этой руины вообще был фасад) стояли две коричневого цвета лавки, которые безжалостно заливало из-под дырявого карниза. Сидеть на них зимой холодно, летом жарко, в дождливую погоду просто невозможно, поэтому, для чего их тут поставили, не понятно. Зато когда я вошел внутрь автовокзала, то обнаружил в просторном зале всего лишь один ряд прибитых друг к другу пластиковых сидений. Все они были заняты (кто от дождя прятался, кто своего автобуса ждал, а кто и просто спал, и, похоже, именно не в первый раз в этом месте), а те, кому не хватило сидений, зябко жались по углам автовокзала. Так получилось, что в центре зала оказался я один (даже ряд с сиденьями был в стороне) и все присутствующие с любопытством уставились на меня. Помимо того что у меня не было никакого багажа, так я еще и одет был в полностью светлые тона, что весьма контрастировало с черно-серым одеянием остальной публики и все усиливающимся ливнем на улице. Ни одного приветливого лица я так и не увидел. Постояв нерешительно в центре, я направился к одному работающему окошку кассы. За ним сидела полная женщина лет 45–50.

– Добрый день! – Тетка подняла на меня глаза, но ничего в ответ не сказала. *Ну и подавись, сволочь.* – Вы не подскажете, как найти улицу Гагарина?

– По-пэршэ, я нэ справочна, а по-другэ, я не розумию російської мовы.

– Ну, во-первых, в украинском языке нет никакого слова «справочна», а есть «довідка», а во-вторых, чтобы понимать хоть один язык, нужно жрать поменьше, а то скоро с рабочего места на бульдозере будут вывозить, – с этими словами я развернулся и пошел прочь от окошка, и вообще с автовокзала.

За спиной начиналась вонь, кассирша явно заводила ее охотно поддержавшую и все слышавшую публику:

– Ты подывысь, гавно якэ знайшлось! «Нужно жрать поменьше»...

– Понавчалы на свою голову.

– Хамло такэ! И цэ ж надо, вырядылося в такой дощ!

– Да-а-а-а. Молодежь зараз нияка.

Дальнейших характеристик в свой адрес я не слышал, так как вышел на улицу. Ливень вроде бы превратился просто в сильный дождь, но прекращаться в самое ближайшее время он явно не собирался. Возвращаться обратно в зал автовокзала смысла теперь не было никакого, балаган моего имени там только начался и, похоже, еще не скоро закончится. И если кто-то из присутствующих и решится указать мне улицу Гагарина, то в одночасье станет там изгоем и вынужден будет выйти под дождь вместе со мной.

На небольшой площади перед автовокзалом не было ни одного такси, что само по себе странно, даже если учитывать такую непогоду. В какую сторону мне идти, я решительно не знал. Постояв еще несколько секунд, я двинулся в сторону пятиэтажек, по моему расчету, там должно быть больше прохожих, а потому можно будет у кого-то спросить улицу Гагарина. *Хотя живут Обуховы, скорее всего, в частном доме, его дешевле купить, чем квартиру, а денег за ними больших вроде бы не водилось.* Я прошел уже около километра, но ни одного прохожего мне так и не попалось. По городу даже машины редко ходили, не то что люди под дождем. К слову, вымок я основательно, с меня просто текло одним потоком,

очень жалко было кроссовки, мама купила мне их всего лишь на прошлой неделе, как раз когда я возвращался из Г. в Столицу.

Из подъезда старого четырехэтажного дома выскочила девушка в плаще-накидке и с зонтиком и быстро пошла в моем направлении. Когда она поравнялась со мной, я спросил:

– Извините, вы. – но девушка быстро прошла мимо, даже не замедлив шаг. Я секунду помешкал и тут же ринулся за ней, крича на ходу: – Девушка, подождите! Мне нужна ваша помощь!

Девушка, тварь такая, напротив, только ускорила шаг, и я уже еле поспевал за ней. В конце концов, я не выдержал и побежал. Девушка оказалась весьма симпатичной, с черными короткими волосами и строгими чертами лица. Я схватил ее за локоть и тут же получил зонтиком по лицу. Я успел увернуться, но острие зонтика все равно задело щеку, которая тут же запыхала жгучей болью.

– Отпустите меня, я буду кричать!

– Да я вас не держу, мне нужна улица Гагарина, где это?

– Я не знаю! – И она тут же с той же скоростью потопала дальше.

Я остался стоять под дождем, мокрый, с ободранной щекой. Васильков я уже ненави- дел. *Интересно, здесь все такие истерички?* Я развернулся и пошел обратно к пятиэтажкам, только шел уже куда медленнее, от дождя прятаться смысла не было никакого, я промок до нитки. Как только я вновь поравнялся с четырехэтажным домом, из того же подъезда вышел человек, правда, это была уже женщина лет пятидесяти. В руках она тоже держала зонт (хотя чего удивляться, дождь на улице) и также двигалась в моем направлении. *Ну что, еще раз рискнуть и получить зонтиком по морде?* Я сразу представил свой внешний вид: мокрый, со взлохмаченными волосами и окровавленной щекой, и тут же передумал к ней подходить. *Ну, вообще, к черту эту Гагарина, найду какую-то маршрутку и вернусь в Столицу.*

Но неожиданно женщина первой обратилась ко мне:

– Молодой человек, у вас щека порезана. С вами все в порядке?

Надо же, может, она тоже неместная?

– Ничего страшного, расцарапал случайно. А вы не подскажите, где здесь улица Гага- рина?

– Вы идете в противоположном направлении. Вам вон туда, – и она показала рукой в сторону, откуда я приехал со Столицы.

– Это недалеко от Васильковского кладбища?

– Да, там близко будет. Идите ко мне под зонтик, я проведу вас до магазина. – Я нагнулся к ней под зонтик, но предлагать его понести самому, хотя я был выше ее ростом, не стал, это было бы нагло. – А вы откуда к нам приехали?

– Я со Столицы, к маме своего друга приехал в гости, адрес есть, а города совсем не знаю, еще и под дождь попал.

– А почему к маме друга, а не к самому другу приехали?

– Он умер прошлым летом, вот решил его мать навестить.

– Какой ужас, а как друга звали, может, я знаю?

– Вряд ли, они переехали сюда сравнительно недавно, года два назад.

– И все же как? – Женщина-таки решила выяснить имя Димки. Я посмотрел ей в глаза и за внешне приятной и благовидной улыбкой уловил еле заметное напряжение. Губы жен- щины по-прежнему улыбались, но глаза, я эти глаза уже точно где то видел! И при этом совсем недавно! Но где?!

– Тимур Мамаев, – я соврал и не сводил глаз с ее лица.

Ее глаза потускнели, улыбка чуть дрогнула, но тут же лицо ее вновь приобрело преж- нюю приветливость.

– Нет, этого мальчика я не знаю. Но помню, что прошлым летом на улице, которую вы назвали, умер сын моей знакомой. Подождите, как же его звали? – Она подняла брови кверху, на лбу ее образовались складки, женщина даже чуть замедлила шаг. – Кажется, Дима, а фамилия, О. О. – женщина с выжиданием посмотрела на меня, но я на уловку не поддался. – Обухов, точно! – И лицо ее просияло сначала в радостной улыбке, а затем, как бы вспомнив, что человек все-таки умер, она скорчила сострадательную гримасу.

Кто ты, черт подери, такая и что тебе от меня нужно?! Женщина тем временем взяла меня под локоть и еще ближе придвинулась ко мне.

– Ну и времена сейчас пошли, молодежь умирает. – последнее слово она чуть мелодично протянула, с такой интонацией можно говорить о любви к зефиру, но никак не о смерти молодежи.

– А как вас зовут? – при этом я специально нарочито приветливо улыбнулся.

Женщина тут же улыбнулась мне в ответ:

– О, у меня очень старинное имя. Я совершенно ненавижу отчество, это старит, поэтому разрешаю всем называть меня просто по имени – Анилегна.

– Анилегна? Первый раз такое имя слышу, весьма странно звучит.

– Знаете, у древних это было весьма распространенное имя, такое же, как, например, сейчас Игорь или Витя – и она с улыбкой посмотрела на меня. Но в ее улыбке я прочитал скорее ухмылку. *Игорь или Витя? Она случайно для примера назвала имена моего лучшего друга и мое?* – А как вас зовут?

Врать и скрывать свое настоящее имя смысла не было, при этом я стал подозревать, что она про меня знает намного больше, чем могла бы знать просто случайная прохожая.

– У меня не такое редкое имя, как у вас, – Виктор.

– О, у вас старинное латинское имя, оно обозначает «победитель». Вы победитель по жизни?

– Не сказал бы, обычно победители столько проблем не собирают вокруг себя.

– У вас большие проблемы, Виктор, – последнюю фразу Анилегна сказала совсем тихо и явно не в форме вопроса.

В это время мы подошли к большому металлическому ларьку с надписью «Ритуальные услуги». Анилегна направилась к входной двери, при этом совершенно не отпуская мой локоть.

Я замялся:

– Вы, кажется, в магазин собирались.

– Мне, Виктор, нужно именно в этот магазин, извините, я вас не предупредила. Вы чего-то испугались?

– Да нет... Ну хорошо, я пойду, мне ведь нужна улица Гагарина.

– Виктор, я сейчас буду идти мимо нее и вам покажу, где это. Самому вам трудно будет ее найти по такой погоде. Мне только надо купить венок на могилку. И мне не будет страшно одной на кладбище идти, и вам там близко будет, хорошо?

Ничего хорошего я в этом не видел. Женщина, которая вначале мне так понравилась, сейчас стала сильно меня пугать. Помимо того что она знает Обухова, она еще и венок собирается по такой погоде тащить на кладбище. В придачу еще и меня пытается с собой взять «по дороге». С другой стороны, Васильков – городок маленький, и узнать здесь о смерти молодого парня не так уж и сложно. Правда, она сказала, что умер сын подруги, а Обуховы на момент смерти Димки прожили здесь не больше года, но разве за год не можно обрести подругу? А то, что Анилегна покупает венок, ну так что с того, сейчас ведь не ночь, чтобы ее поход на кладбище казался подозрительным. Может, в другой день она занята на работе или сегодня какая-то для нее знаменательная дата.

Анилегна мои раздумья оценила по-своему:

– Виктор, давайте так. Если вы боитесь зайти в ритуальный магазин, вот вам зонтик и подождите меня здесь. Я буду очень скоро. – И прежде чем я успел что-то возразить, она вручила мне зонтик, который я машинально взял. Анилегна скрылась за скрипучей дверью магазинчика, и тут же ее голова высунулась под дождь:

– Виктор, обязательно напомните мне, чтобы я вас напоила чаем, – она мне заговорила подмигнула и вновь скрылась в дверях ритуального магазина. Я остался стоять на улице с зонтиком в руках.

Что вообще происходит? Я посреди недели стою под дождем в Василькове возле входа в ритуальный магазин и собираюсь идти... В это время из за спины ко мне кто-то подбежал, резко схватил сзади за мокрый пуловер и потащил в сторону. Я подумал, что меня грабят, резко развернулся и при этом одновременно нагнулся, ожидая удара в голову.

Вместо удара мне закрыли рот маленькой ладонью и быстро с надрывом прошептали:

– Немедленно уходите отсюда! Сейчас же! – Передо мною стояла все та же ненормальная девушка, которая всего двадцать минут назад ударила меня зонтиком по щеке. Зонтик все еще был при ней, правда, в закрытом виде. Видя мое полное замешательство, девушка добавила: – Эта женщина – ведьма. Вам грозит страшная опасность! – с этими словами она взяла меня за руку и потащила быстрыми шагами прочь от ларька.

Я особо сопротивляться не стал, последние слова на меня подействовали, хотя, похоже, нормальных людей в Василькове точно нет. Мы завернули за первый дом и вошли в небольшой каштановый сквер. Только сейчас я заметил, что все еще держу в руках зонтик Анилежны.

– Пойдите. Я должен вернуться и отдать этой женщине ее зонтик. И куда вы меня тащите?! – я потянул девушку за руку и заставил ее остановиться. Она посмотрела на меня, как будто я сказал какую-то несусветную глупость.

– Забудьте про зонтик. Если вы сейчас туда вернетесь, вы больше никогда не попадете домой, – девушка говорила весьма пафосно, но в ее словах, надо отдать ей должное, не было фальши, хотя довериться я ей все равно не мог. Она могла быть просто сумасшедшей, да ко всему же именно она еще совсем недавно ударила меня без явной причины зонтиком по лицу. Это доверия к ней не прибавляло. В любом случае, вместо того чтобы без проблем найти улицу Гагарина, я встретил двух ненормальных, да к тому же еще из одного подъезда.

– Идемте туда, – девушка указала рукой на беседку в скверике. Мы направились к беседке. Постепенно начало смеркаться.

Глава 12 БЕГСТВО

13 апреля. Четверг

Скамейки в беседке все были мокрые, ветер приносил через оконные отверстия капли дождя, потому на них мы садиться не стали – не столько из-за боязни еще больше промокнуть (в первую очередь это касалось меня), сколько из-за холода. Я только сейчас почувствовал, как продрог. С необычайной силой захотелось чая, который еще совсем недавно предлагала мне Анилегна.

– Слушайте меня внимательно. Вам грозит опасность, с вами должно произойти что-то страшное. Вы меня понимаете? Вам необходимо сегодня же вернуться домой и быть там как можно дольше, быть может, несколько недель.

Что подразумевала девушка под домом: мамину квартиру в Г. или мою общагу в столице, – я уточнять не стал. Меня интересовал сейчас ряд других вопросов.

– Девушка, вы меня извините, но вы в своем уме? Сначала вы меня бьете на улице зонтиком, затем тащите в эту беседку и рассказываете про некую опасность. Как вы прикажете на все это мне реагировать? Вы даже не сказали, как вас зовут.

– Меня зовут Алиса. – *Еще одно колоритное имя, ну хоть не Анилегна, и то уже хорошо.* – А верить мне или нет, это уже вам решать. Я только хочу помочь, так как знаю эту женщину. Она разрушает судьбы людей и сейчас на очереди вы.

– «На очереди»? К ней нужно предварительно записываться? – попытка шутки не удалась, Алиса даже не выдавила подобие улыбки.

– Ангелина Заварова – ужасная женщина. В Василькове ее знают исключительно как ведьму и гадалку. За последние пять лет в подъезде, в котором она живет, умерли три человека – две женщины и мужчина. Все они были убиты. Также развелись две семьи. У молодоженов родился неполноценный слепой ребенок. Еще двое детей тяжело заболели, у одного из них совсем недавно обнаружили малокровие. Четыре семьи за последние несколько лет продали свои квартиры и уехали отсюда. Еще одна квартира пустует, так как хозяева не могут продать ее, но и не желают жить в одном подъезде с этой женщиной. И это только в подъезде, где она живет, в остальном доме ситуация почти схожая. Наш дом как будто проклятый, родители запрещают ходить сюда в гости своим детям из других домов, все боятся встретить эту женщину на улице, она приносит людям горе и несчастье. Все, что она говорит, сбывается, а говорит она только чудовищные вещи... – Алиса говорила очень быстро, но, тем не менее, слова не глотала, произносила их четко, похоже, она боялась, что я сейчас плюну на все это и уйду. Я ее перебил:

– Послушайте, о ком вы говорите? Женщина, от которой вы меня только что оттащили, назвалась мне Анилегной, да и никаких особо страшных вещей она мне не рассказывала.

– Анилегна – это перевернутое имя Ангелина. На древнегреческом имя Ангелина обозначает «вестница». Анилегна – это проклятое имя, оно означает «вестница беды». Древние греки, а затем и славяне всегда скрывали настоящие имена своих детей от чужих людей, они боялись сглаза, поэтому у детей всегда было два имени, истинное и публичное. Истинное имя могли знать только посвященные, оно дается при крещении, в повседневной жизни люди пользуются только публичным именем.

– Интересно, а если человек некрещеный?

– Тогда его истинное имя одновременно является и публичным. У такого человека попросту одно имя. – Алиса строго посмотрела на меня. – Вы ведь, надеюсь, крещеный?

– Алиса, у меня дед коммунист. – я начал говорить какую-то ерунду о левых традициях в своей семье, о своей атеистической работе, но все это было не к месту. Лицо у Алисы осунулось и побледнело, она смотрела на меня немигающими глазами и, казалось, совершенно не слушала, о чем я говорю.

– Анилегна спрашивала ваше имя?

– Что?

– Эта женщина спросила, как вас зовут?

– Ну, в отличие от вас, да.

– И вы ей сказали правду?

– А что я должен был сказать вежливой женщине, которая, к слову, не била меня зонтиком, а укрыла под ним и согласилась показать дорогу? – я не сдержался от маленького укола Алисе.

– Вы. вы не понимаете. Вы сказали проклятой женщине свое имя. Вы погубили себя. – последние слова Алиса выговорила с трудом, лицо ее начало содрогаться, на нем появились крупные слезы. Она попыталась вытереть слезы рукавом, но они текли не переставая, и она закрыла лицо ладонями.

Тут я не выдержал и вскипел:

– Девушка, а вам-то какого черта обо мне беспокоиться?! «Проклятая женщина», «погубили себя», – я стал откровенно ее передразнивать, – ну даже если вы не сумасшедшая, и эта Ангелина или как там ее, Анилегна, действительно ведьма, вам-то что? Я вообще в ваш городок по другому случаю заехал, у меня своих проблем полно, мне только еще ваших васильковских ведьм не хватает!

Алиса убрала руки от лица и посмотрела на меня заплаканными глазами.

– Я теперь тоже умру. Очень скоро, – сказала она это тихо, еле шевеля губами, но я все расслышал.

– Умрешь, деточка, умрешь, милая, – этот грудной красивый голос нельзя было спутать.

Я резко развернулся. У входа в беседку стояла Анилегна с черным венком и приветливо улыбалась. Ее приятный голос и милая улыбка контрастировали со смыслом сказанного и с теми искусственными цветами, которые она держала в руке.

Дождь немного стих, но все равно был достаточно плотным. И, что удивительно, Анилегна стояла перед нами совершенно с сухой головой, в то время как ее зонтик я держал сейчас в руке.

Алиса схватила меня за руку, и мы вдвоем попятнулись вглубь беседки. Девушку изрядно трясло, она жалась к моему плечу и никак не могла побороть дрожь. Честно говоря, мне тоже было страшно, но я все еще надеялся, что просто попал на васильковских сумасшедших. В конце концов, я сюда приехал встретиться с матерью Обухова, а не бегать от ведьм.

– Анилегна, извините, что я вас не дождался и забыл вернуть ваш зонтик. Возникли форс-мажорные обстоятельства, но зонтик, вот он, – я облокотил его о мокрую скамейку.

– Витенька, ну что ты. Я совершенно на тебя не сержусь, хотя этот зонтик для меня особенный. Дай мне его сюда, – и Анилегна протянула ко мне руку.

– Не иди к ней, – зашептала мне на ухо Алиса, – умоляю!

– Витенька, ты же видишь, что эта милая девушка больна. У нее глубокое психическое расстройство, я ведь ее знаю уже много лет. Подойди ко мне и дай мне зонтик, – Анилегна сделала шаг вперед и практически полностью закрыла выход из беседки.

– Нет! Не надо, не подходите! – Алиса уже почти кричала, эта женщина явно ее пугала.

– У этой девочки в прошлом году умерла мама, хорошая была женщина. Вот миленькая и не смогла нормально пережить это горе, совсем бедняжка умом тронулась, с этими словами Анилегна сделала еще один шаг вперед, практически уже войдя в беседку.

Глаза! Это те самые глаза! Я вспомнил, где я их видел. В это воскресенье на выходе из метро «Золотые ворота», в тот самый вечер, когда все это началось. Бабка с пустым ведром переходила мне дорогу. Анилегна выглядела намного моложе той древней бабки, но я готов был поклясться, что это был один и тот же человек! Я не знал, как это могло быть, но таких глаз я раньше не встречал. Ярко-серого цвета зрачки с по-старчески пожелтевшими белками.

– Зачем же вы ей говорите, что она скоро умрет? Как-то жестоко по отношению к сиротке, не находите?

Мой вопрос слегка озадачил Анилегну. Она загадочно заулыбалась, ища какое-то оправдание ранее сказанным словам. А я уже окончательно уверовал, что Анилегна если и не ведьма, то, по крайней мере, паршивый человек. И прежде, чем она успела что-либо сказать мне в ответ, я ногой подбросил к своей руке зонтик и со всей силы запустил его в лицо ведьмы. Анилегна, пусть и гадалка, но этого явно не предвидела и лишь в последний момент успела прикрыть лицо руками. Большой зонт плашмя ударил ее по рукам и отлетел на улицу.

Я подхватил за талию Алису и одновременно с ней выпрыгнул в оконный проем беседки. Приземлился я крайне неудачно, умудрившись подвернуть ногу с высоты не больше метра. Алиса совершенно не ожидала, что я выкину ее в окно, а потому и вовсе растянулась во весь рост на мокром асфальте. Как только мы оказались в парке на улице, я схватил Алису за руку, поднял ее с асфальта, и мы как можно быстрее побежали от беседки. У нас за спиной слышалось мерзкое шипение, точно такое же я слышал сегодня утром из черной «Волги», но оборачиваться побоялся.

Пробежав метров двести, я попросил Алису сбавить шаг, у меня сильно болела нога, к тому же я заметно хромал. В конце концов, не будет же пожилая женщина, пусть и ведьма, гнаться за нами через весь парк? Боль становилась все сильнее, и мы с бега перешли на ускоренный шаг.

– Алиса, откуда вы знаете эту женщину?

– Она моя соседка по площадке – живет напротив моей квартиры.

– А ваша мама, она действительно. – я не договорил, по лицу Алисы вновь потекли крупные слезы. – Извините.

Дальше мы шли молча. Дождь стал значительно слабее, на улице потемнело, был уже шестой час. Мы по-прежнему держались с Алисой за руки, но теперь мне было просто приятно. Я еще раз взглянул на нее: черные мокрые волосы прилипли к щеке, а глаза были широко раскрыты – девушка действительно весьма симпатична. Я нарушил молчание:

– Алиса, а куда мы идем? Мне вообще-то нужна улица Гагарина.

– Она предсказала ее смерть, – Алиса, казалось, не услышала моего вопроса, но я не стал ее перебивать. Похоже, ей необходимо было выговориться. – Эта женщина приехала в Васильков пятнадцать лет назад, но жила она до недавнего времени в частном доме. К нам, в нашу пятиэтажку, она переехала позапрошлым летом, с тех пор все эти беды и начались. Люди стали ссориться, семьи разводиться, дети болеть, а некоторые люди стали погибать. Мою маму убили прошлым летом, а эта женщина. – на глазах у Алисы вновь выступили слезы, и я крепче сжал ее ладонь, – эта женщина за неделю предсказала мне ее смерть.

– Каким образом? – голос получился у меня сиплым, и я тихо кашлянул.

– Она позвонила в дверь, хотя мама мне всегда говорила, чтобы я эту женщину никогда не впускала в дом, – Алиса вновь заплакала и уже зашмыгала носом, – а я, я просто не посмотрела в дверной глазок. – Я остановился и вытер своим мокрым рукавом сначала глаза девушки, а затем щеки и нос. Лишь после этого она смогла продолжить. – Я открыла дверь, а на пороге стояла она с пустым ведром.

– Ведро было большое и цинковое?

Алиса с недоумением посмотрела на меня. Я явно ляпнул ненужное.

– Не помню. Какая разница? Она стояла на пороге и не решалась переступить его, хотя я сделала шаг назад, когда открыла дверь. Мне мама рассказывала, что если ведьму не пригласить в дом, она не может перейти порог сама. Анилегна, а тогда она для меня была еще Ангелина Заварова, не дождавшись моего приглашения зайти в дом, сказала из-за порога: «Деточка, тебе открытка пришла. Возьми». И протянула мне открытку. А я. – Алиса вновь начала всхлипывать, – я взяла ее прямо через порог.

– А что в открытке было написано?

– Стихотворение.

– Ты его помнишь? – я впервые Алису назвал на «ты».

Алиса молча расстегнула свою куртку, достала из внутреннего кармана открытку и протянула ее мне. Открытка была самой обычной, такие продаются в любом киоске «Союзпечати». На голубом фоне был изображен яркий букет белых роз. Хотя... Я машинально сосчитал количество роз, их было девять. У меня возник вопрос, но сейчас задавать его было неуместно, девушка и так была на взводе, рассказывая о смерти матери. Я перевернул открытку, там гелиевой ручкой черного цвета было красивым почерком выведено следующее стихотворение:

Осталось времени неделя
И два счастливых дня.
Скиталец будет наказуем,
И ты совсем одна.

Я еще раз перечитал стишок. На первый взгляд, это был какой-то сумбур, в котором совершенно не виделось никакого предсказания смерти.

– Алиса, ты помнишь день недели, когда Анилегна передала тебе эту открытку?

– Да, это была пятница. По телевизору как раз шло «Поле чудес».

Боже ты мой, эту передачу еще кто-то смотрит!

– А маму твою убили в воскресенье или в понедельник? – этот вопрос дался мне с трудом, но я должен был его задать.

– В понедельник. Утром... Она шла на смену. – Алиса в который раз стала плакать.

А я для себя фактически раскрыл смысл всего стихотворения. Первые две строчки «Осталось времени неделя и два счастливых дня» очевидны. Здесь напрямую предсказывается количество дней до смерти Алисиной мамы – неделя и два дня, то есть девять дней. Об этом, кстати, говорит и количество белых роз (белый цвет – цвет смерти) на лицевой части открытки – девять, так что на ранее незаданный Алисе вопрос я уже получил ответ. Ведьма передала открытку Алисе вечером в пятницу («Поле чудес» показывают вечером), а ее мама была убита утром в понедельник, ровно через неделю. С последней строчкой вроде тоже все ясно. Анилегна передала открытку лично Алисе и при этом сказала, что она предназначена именно ей. Поэтому последняя строчка стихотворения «И ты совсем одна» означает следующее одиночество Алисы.

Непонятно только, что обозначает предпоследняя строчка «Скиталец будет наказуем»? Кто такой этот скиталец? Я решился на очередной жестокий вопрос:

– А как твоя мама была убита?

На удивление, Алиса перестала плакать и заговорила холодным ровным голосом:

– Это произошло утром, в начале седьмого. Моя мама работала проводником в поезде и шла на утреннюю смену. В лесопосадке возле железнодорожного полотна на нее напал подросток. Он просто хотел ее ограбить. А мама стала сопротивляться, и он пырнул ее ножом. Врачи потом сказали, что сам удар был не смертельным, но у мамы именно в тот момент начался приступ астмы, а лекарство было в сумке, которую грабитель забрал с собой. – Алиса

снова начала плакать, но уже не навзрыд, плач был тихий и горький. – Там было всего двадцать три гривны (*ну конечно, сколько же еще?!..*). А его поймали в тот же день, он всего на два года старше меня.

– А чем он занимался, кто его родители?

– Яне знаю, он, кажется, из детдома был. Притом приехал в Васильков откуда-то с востока.

– Восточной Украины?

– Нет, из Узбекистана или Казахстана, какая разница? – Алиса со слезами посмотрела мне прямо в глаза.

– Алиса, в Средней Азии беспризорных детей обязательно кто-то берет на попечение из родственников, даже самых дальних, иначе они считаются неприкаянными, то есть скитальцами, ты понимаешь? Этот подросток, убивший твою маму за двадцать три гривны, и есть тот самый «скиталец» из стихотворения на открытке. А строчка «Скиталец будет наказуем» обозначает то, что он сейчас в тюрьме.

Мы продолжали брести в неизвестном направлении.

Глава 13 ПРОЩАНИЕ

13 апреля. Четверг. Вечер

Было начало восьмого. Дождь на время прекратился, но я по-прежнему ощущал себя насквозь мокрым. Девушке, шедшей рядом со мной, было, похоже, все равно, она ушла в себя и переживала случившееся в ее семье год назад горе. Прошел уже целый день, как я приехал в Васильков, но вместо того чтобы найти мать Обухова, я встретил странную Анилегну и не менее странную Алису. В поиске же улицы Гагарина я не продвинулся вперед ни на шаг.

– Алиса, давай ты мне покажешь улицу Гагарина. Девушка остановилась.

– Гагарина? Я слышала это название, но точно не знаю, где она. Кажется, в Старом городе.

– В Василькове еще и Старый город есть?

– Конечно, наш городок не многим моложе Столицы, у нас все тут есть, – Алиса вымученно улыбнулась.

– Старый город – это возле кладбища?

– Нет, это противоположная сторона города.

– Странно, а мне Анилегна сказала, что Гагарина недалеко от кладбища.

– Видимо, она очень хотела затащить сегодня тебя на кладбище.

– Зачем ей это?

– Я не знаю.

– Слушай, а почему тебя волнует то, что я Анилегне сказал свое имя, ведь, судя по всему, это мои, а не твои проблемы?

На это Алиса протянула мне еще одну открытку. На ней тоже был изображен букет цветов, но уже желтого цвета. Какие именно это были цветы, я не знал, так как, кроме роз, кактусов и ромашек, никаких других толком не различаю. Количество цветов я считать не стал, так как их было слишком много, да к тому же они были маленькие, какие-то даже неказистые. Я перевернул открытку и увидел то, что и ожидал увидеть, – очередное стихотворение. Я прочел его.

У красоты смертельный лик,
И слезы неба будут долго.
Когда прощаться будешь с ним,
Вернешься к той, по ком скорбишь.

Очередной слабо рифмованный бред. Неужели все это следует воспринимать серьезно? Хотя, если вспомнить, почему я вообще здесь, то не так уж и мало психов на этой земле. По крайней мере, Алиса – это тот человек, который не станет смотреть на меня очумелыми глазами, если я ей буду рассказывать о своем сне и Димке Обухове, о женщине с порносайта в красном платье и без глаз, о своем лучшем друге, которого я встретил на несуществующей улице. В общем, похоже, я нашел ненормальную по интересам. В конце концов, у девушки горе, и даже если Анилегна права и Алиса действительно не в ладах с рассудком, по крайней мере, она не ходит под вечер на кладбище в дождь. В любом случае странно из двух ненормальных выбирать более ненормальную. Но Алиса хотя бы красивая.

– Почему ты молчишь? – Алиса отвлекла меня от моих размышлений.

Черт, я совсем забыл о стишке!

– Обычный ненормальный стишок, ничего более. Не знаю, что тебя в нем так испугало.

– Ты разве не понимаешь, о чем в нем говорится?

– А о чем в нем говорится? Какой-то бред о смертельном лике, о слезах неба (*хотя и дураку понятно, что имеется в виду дождь, который льет уже без перерыва целый день*), о какой-то скорби. Что ты хочешь от меня услышать?

– Сегодня утром Анилегна позвонила мне в дверь и сказала, чтобы я не забыла взять с собою эти две открытки. У меня началась истерика, я эти открытки выкинула еще прошлым летом, сразу после похорон мамы. Мне кажется, если бы я тогда их не взяла у Анилегны, с мамой бы ничего и не случилось. А когда я сегодня выбежала на улицу, то обнаружила эти открытки у себя в куртке. Как они могли там оказаться?

– Подожди, но ты мне только об одной открытке рассказывала. Откуда вторая взялась?

– Мне Анилегна прислала вторую письмом сразу после похорон мамы.

– А с чего ты взяла, что вторую открытку тебе прислала именно Анилегна?

– А кто еще это мог сделать?! – почти выкрикнула Алиса.

Действительно. Ерунду спросил.

– Ну а что тебя в стихе пугает?

– В нем говорится, что я скоро умру. Я прочитал стих еще раз.

– Слушай, Алиса. Кроме весьма пространныго намека на дождь во второй строке, который, к слову, весной идет очень часто, ничего общего с тем, что происходит сейчас, и твоей будущей смертью я не вижу. – Хотя, по правде говоря, я и сам стал понимать содержание стихотворения. Намек на смерть Алисы, притом весьма скорую, присутствует.

– Виктор, строчка «У красоты смертельный лик» – это о тебе, ты ведь красивый парень, – Алиса говорила скороговоркой, но начало мне чертовски понравилось, хотя сейчас явно не время было заниматься самолюбованием. – Вторую строчку ты уже сам расшифровал, в ней говорится о непрекращающемся дожде, который сейчас идет. Третья и четвертая строчки прямо указывают на то, что после прощания с тобой я встречу с той, по ком скорблю, то есть со своей матерью. Все ведь очевидно, разве ты этого не видишь?

Логика присутствовала, но я еще раз попытался разуверить Алису в том, во что поверил уже сам:

– Алиса, это всего лишь графомания, к тому же не очень удачная. Тебе не кажется, что Анилегна просто пытается свести тебя с ума, а ты только слепо веришь во все эти бредни?

– Ты сам не веришь в свои доводы, – я почувствовал, как Алиса взяла меня за руку. – Давай не будем прощаться, хотя бы сегодня, хорошо? – Она посмотрела на меня с такой мольбой, что у меня самого чуть не выступили слезы.

– Ну, хорошо. – я замялся, – но, Алиса, мне надо сегодня увидеть одну женщину, я, собственно, из-за нее и приехал в Васильков.

– Давай ты это сделаешь завтра, пожалуйста. Странно, как быстро такая хрупкая девушка смогла довериться фактически не знакомому ей человеку. Но я не мог позволить поддаться на ее уговоры, по большому счету, я и сам подозревал, что жить мне если и чуть дольше, чем Алисе, то ненамного. По крайней мере, до Пасхи.

– Алиса, мы сейчас найдем эту чертову улицу Гагарина, я задам вопросы матери своего своего одноклассника, и все остальное время мы будем вместе. – Я сжал крепко ее руку.

– Хорошо, только пообещай, что ты не оставишь меня одну сегодня.

– Обещаю.

– Нам лучше доехать на такси, будет намного быстрее. Мы вышли на дорогу ловить машину. Движение на дороге было небольшим, по-видимому, мы забрели в какую-то отдаленную часть города, так как ранее встречавшиеся нам в основном старые четырехэтажные хрущевки сменились на одноэтажные частные дома сельского типа. Алиса замахала рукой, и я увидел, как возле нас остановился зеленый «москвич».

– Довезите нас, пожалуйста, до улицы Гагарина.

– Так это в другую сторону, мне не по дороге – водитель явно не был настроен «грачевать».

Тут вмешался я:

– Десять гривен.

– За двадцать довезу.

Вот сука! В моем Г. в любую точку такси за пять возят, а частник и за трешку довезет. Здесь же расценки должны быть схожими, видимо, просек гаденыш, что я не местный.

– Договорились.

Я попытался сделать отрешенное лицо, но получилось плохо. Двадцатку было жалко. Мы уселись на заднее сиденье, и Алиса по-прежнему не отпускала моей руки. Водитель развернул свой «москвич», и мы поехали вновь к центру Василькова. Уже стемнело, но по силуэту я узнал здание автовокзала, а чуть погодя мы проехали и дом, где живет Алиса.

Постепенно меня стал волновать один вопрос, который я таки задал:

– Слушай, а где я буду сегодня ночевать?

– У меня, – девушка посмотрела на меня такими широко открытыми глазами, что я понял, что под «ночевать» подразумевается исключительно сон в ее квартире, и не более.

– Нам еще далеко ехать? – я обратился к водителю.

– Уже почти приехали, следующая улица. Следующая улица оказалась без асфальта, мы ехали по каким-то кочкам и камням. Машину изрядно трясло. Кругом была сплошная темень, силуэты маленьких одноэтажных домов угадывались лишь из-за света горевших внутри них ламп.

– Все, Гагарина.

– А дом двадцать три – это где?

– Это в конец улицы, сейчас подъедем.

Я с сожалением отдал двадцатку, и мы выбрались из машины. Дождь по-прежнему моросил, хотя был уже не таким сильным, просто монотонным. Меня начали изрядно волновать два вопроса. А вдруг сейчас мамы Димки или Сони нет дома, как тогда мы с Алисой будем отсюда выбираться? И второй: если там сейчас все дома, как меня там встретят, да еще и с незнакомой девушкой?

«Москвич» уже успел развернуться, но я ему замахал рукой и подбежал к водителю окошку:

– Извините, а вы не подождете нас пять минут? Если там никого нет дома, мы с вами до центра уедем.

– Нет, я тороплюсь. – И тут же, сволочь, добавил: – Ну, если за отдельную плату.

Еще давать этой твари деньги я настроен не был, но и возвращаться отсюда пешком, пусть и вместе с Алисой, особого желания не было.

– А вы не подскажете номер вызова такси?

– Не подскажу. – Сразу было видно, если он и знает номер, то не скажет. По-видимому, жители Василькова сплошь если не психи, то жлобы.

Я обратился к своей спутнице:

– Алиса, а ты не знаешь?

– Нет.

Водитель вновь завел мотор, и я тут же хлопнул ладонью по машине:

– Да подожди ты! – На «вы» к этому козлу желая обратиться уже не было.

Я повернулся к Алисе:

– У тебя дома городской телефон есть? Алиса утвердительно кивнула.

– Давай ты сейчас с ним поедешь к себе, вызовешь такси и на нем приедешь сюда. Я буду тебя ждать здесь или в двадцать третьем доме. Так мы намного быстрее сможем решить все наши вопросы на сегодняшний день.

– Но ты ведь обещал не оставлять меня одну сегодня.

– Обещал. Но ведь дождь еще не кончился, – я улыбнулся и взял Алису за плечи. – Ну, лапка, верь мне. Нам намного опаснее будет возвращаться с этой улицы пешком. Через каких-то двадцать-тридцать минут мы будем вновь вместе.

На глазах у Алисы вновь выступили слезы:

– Честно?

На меня обрушился порыв нежности. Я прижал Алису к себе, а затем поцеловал ее в губы:

– Да.

Девушка обняла меня своими тонкими ручками за шею и вся прильнула ко мне. Через свой мокрый пуловер я ощущал, как быстро бьется ее сердце. За такой короткий период я стал самым близким для этого милого человечка. Мне вдруг не захотелось никуда ее отпускать, а так стоять с ней под дождем, обнимать и любить ее, забыть про все свои проблемы, про Обухова, про работу, про все на свете, а просто быть всегда с Алисой.

– Ну что вы там решили? – голос водителя в эту минуту мне показался особенно мерзким.

Я отстранил Алису от себя, а она, в свою очередь, с явным усилием убрала руки с моей шеи, но ее тело до последнего прижималось ко мне. Усадив Алису на заднее сиденье, я закрыл за ней дверь. Водитель завел машину, а Алиса высунула голову из окна и спросила:

– Витя, ты веришь в счастье?

– Нет никакого счастья. Есть только привычка. – «Москвич» рванул с места, а я махнул Алисе рукой. Я продолжал смотреть машине вслед, пока два маленьких красных огонька не скрылись за поворотом. Мне стало безумно одиноко.

Глава 14

СОНЯ

13 апреля. Четверг. Поздний вечер

Я огляделся по сторонам. Где именно был дом 23, водитель так и не показал. По обе стороны дороги просматривалось два дома, но только в одном из них горел свет. Я направился к нему. Как только подошел к калитке, сразу же залаяла собака. Похоже, дворняга, но открыть калитку и проверить я не решился. Меня всегда бесит, почему в таких домах звонки только возле входной двери, зато пройти к ним нет никакой возможности по причине наличия во дворе собаки. Неужели так сложно провести звонок к калитке, не понимаю. Я позвал хозяев:

– Извините, кто-нибудь есть в доме?!

– Кто там?

– Меня зовут Виктор, я ищу дом Обуховых.

Из дома вышла тетка лет сорока пяти в белой ночнушке и надетой поверх коричневой кофте. Еще одна особенность сельских и околосельских жителей – ложиться спать чуть ли не с первыми сумерками.

– Нэ чую, гаворыць громшэ, шо вам надо?

– Я говорю, мне нужен дом двадцать три, Обуховы там живут, не подскажете, где это? (Эта тетка точно была не матерью Обухова.)

– Кого трэба?

Она совсем нахрен глухая?!

– Гагарина, двадцать три! Где это?! – я уже почти кричал.

– Чого вы кричытэ, цэ напрыты. *Перечница старая.*

– Спасибо!

Я развернулся и пошел к дому через дорогу, но тетка меня окликнула в спину:

– Подождыть, а навищо воны вам? Я остановился и оглянулся:

– В смысле? Я наведаться заехал, знаю их давно.

– Кого цэ их? Танька на свому гори зовсим з розуму поихала. Щэ ий тилькы гостей не выстачало.

Что за дура фамильярная? «Танька», «гостей не выстачало»... Какое твое старособачье дело?

– Я давний знакомый Татьяны Александровны, – на имени и отчестве Димкиной матери я нарочно сделал ударение, – и очень хорошо знал ее сына. Поэтому считаю возможным приехать навестить его мать и жену.

После слова «жена» мне показалось, что у тетки округлились глаза и она даже слегка отпрянула. Но, пожалуй, мне только показалось. Да и тетке, похоже, стало немного неловко, и она сделала попытку как-то смягчить разговор:

– Да я ничего, просто вже пизно для гостей, да и Татьяны (*ну хоть уже не «Танька»*) схожэ нэмае вдома.

А так звисно трэба навищаты людыну, стилькы смэртэй пэрэжыты.

Почему смертей? Еще кто-то, кроме Димки, умер? Может, муж? Но он вместе с семьей не жил уже лет двадцать. Тогда кто?

Но я спрашивать не стал, а лишь еще раз уточнил:

– Так, значит, в доме напротив?

– Да. Чэрэз дорогу.

Я развернулся и пошел к дому, но меня неожиданно вновь окликнули:

– Стийтэ! Вы щось обронулы биля калыткы. *Да что нахрен еще такое?!*

Я вновь остановился и повернулся к тетке. Та в свою очередь открыла калитку и подобрала возле нее какой-то небольшой прямоугольный предмет. Я вернулся назад и увидел в руках у женщины открытку с желтыми цветами. Черт! Это была та самая вторая открытка, которую показывала мне Алиса. Но я ведь, вроде, бы отдал ее! Хотя, не помню, может, машинально положил в карман.

В какой карман? Тот, что в джинсах, – и при этом открытка не помялась?

– О, це схожэ открытка. Яки гарни жовти квиточки. Трымайте, – и она протянула открытку мне, хотя стояла уже вновь за калиткой, пусть и открытой. – Тилькы нэ даруйтэ йийи дивчыни, бо жовтый колир – колир розлуку.

Покаркай мне, собака.

– Спасибо. Наверное, выпала. Всего хорошего, – и я направился к дому Обухова. За спиной чувствовался буравящий меня взгляд тетки.

Вблизи дом оказался не таким уж и маленьким. Одноэтажный, из белого кирпича, с двумя большими окнами, которые выходили на улицу, ко всему же обнесенный высокой металлической оградой. Возле дома был небольшой участок земли, вдали виднелся маленький сарай, а возле самого дома стояла зеленая (как мне показалось в темноте) беседка. Света нигде видно не было. К слову, в соседних домах тоже, от этого не только дом, но и вся улица выглядели особенно зловеще.

Я подошел к калитке и негромко окликнул:

– Кто-то есть в доме?!

За моей спиной погас свет, и вся улица погрузилась в темноту. Я оглянулся, это через дорогу та придурковатая тетка выключила в доме свет, наверное, легла уже спать.

Я еще раз позвал, на этот раз громче:

– Хозяева!..

В ответ была лишь тишина. Собаки, похоже, в доме нет, иначе уже давно бы лаяла. Я нащупал на внутренней стороне калитки засов и с трудом его отодвинул. Он шел туго. Затем надавил на калитку, и та с омерзительным скрипом открылась. Сразу видно, что настоящего хозяина в доме нет, все запущенно, начиная с проржавевшей калитки. Пред тем как войти во двор, я достал из кармана мобильный и посмотрел время. Часы показывали 21.23. Алиса должна приехать минут через 15–20. А вообще, почему я, дурак, не обменялся с ней мобильными номерами? Нужно же иногда и головой думать. Я вошел во двор и по заросшей тропинке прошел к дому. Возле обитой чем-то черным входной дверью стояло пустое цинковое ведро. Видимо, для мусора. Я нащупал рукой звонок и нажал на кнопку, хотя было и так понятно, что хозяев дома нет и осталось только дожидаться Алису. Вместо привычного звонка по всему двору раздалось громкое троекратное «ку-ку, ку-ку, ку-ку». На фоне гробовой тишины получилось весьма неуместно. Я немного подождал и нажал еще раз: – «ку-ку, ку-ку, ку-ку».

– Ви-и-итя, это ты...

У меня похолодела спина, и я резко оглянулся на голос. Из беседки вышла какая-то девушка в ночной белой сорочке до пят. Я попятился, хотя девушка не двигалась в моем направлении.

– Ви-итя, это-о я, – девушка сильно тянула слова, как будто они вылетали у нее из живота.

Я попытался как можно бодрее спросить в ответ: «Кто это – я?», – но вместо этого получился какой-то сиплый невразумительный стон. Хотя девушка, похоже, вопрос поняла.

– Со-оня.

Ну, конечно, кто же это еще может быть? Это же Соня! Жена Обухова. Правда, выглядит она не очень, ну а что я хочу, в двадцать пять лет стать вдовой...

Я сразу приободрился и успокоился. Ко мне вернулся дар речи, по крайней мере, я перестал сипеть.

– Соня, привет! А я тебя сразу не узнал. Вот, по командировке заехал в Васильков и решил вас проведать, да уже подумал, что никого нет дома. Хорошо, что ты здесь. А где Татьяна Александровна?

– Она бу-удет потом... Хорошо, что ты при-ишел... – Соня говорила тихо, но я все отчетливо слышал, а слова она по-прежнему продолжала тянуть. – Ты хо-очешь войти в дом?

Что за странный вопрос?

– Ну, неплохо было бы. Так Татьяна Александровна будет сегодня? Она на работе?

Вместо ответа Соня мне сказала:

– Во-озьми в беседке ключи и откro-ой дверь в дом.

Я направился в направлении Сони к беседке, но прежде чем успел взглянуть ей в лицо (все-таки столько лет ее не видел, последний раз еще в школе), она повернулась ко мне плечом, и я не успел ее разглядеть. Ключи лежали на столе (когда-то Игорь Швец мне говорил, что не следует класть ключи на стол – плохая примета), я их взял, а затем протянул Соне.

– Я о-очень устала, откro-ой сам.

Я направился к двери и стал подбирать ключи к замкам, так как в связке их было три (третий, видимо, от сарая), а замков в двери два. Наконец, я открыл дверь и посторонился, пропуская вперед Соню.

А какого она черта делала в одной ночнушке в беседке при запертых дверях в доме?

– Захо-оди первым, – Соня жестом указала, чтобы я вошел в дом.

Я прошел на маленькую веранду и стал ждать Соню, не зная, разуваться мне или нет. Но Соня порог не переступала.

– Мне мо-ожно во-ойти? *Что, блин, у нее за вопросы?*

– Конечно, можно, это же твой дом. Входи.

И Соня вошла в дом. Я посмотрел на ее ноги и ужаснулся.

Боже, все это время она была босая! Похоже, совсем свихнулась после смерти Димки.

– Соня, а где у вас тут выключатель, а то темно, как в могиле.

– Иде-ем в комнату-у, там вклю-ючишь торшер, у меня глаза бо-олят от све-ета... – и Соня направилась через веранду и кухню (комнаты в доме проходные) в комнату, а я за ней.

Первая комната, а их, судя по всему, было две, оказалась просторной, в темноте угадывался силуэт большого стола, стоявшего в самом центре. Соня жестом показала мне налево, там я разглядел торшер и рядом с ним кресло.

Я направился к нему и включил торшер. Помимо стола в комнате стоял большой сервант, диван, а также старый телевизор. На стене висел огромный ковер с замысловатыми узорами, а на нем (*черт!*) – те самые черные часы из моего сна! Я сел в кресло и повернул голову в сторону часов, не в силах оторвать от них взгляда.

– Хорошие ча-асы, правда? – голос Сони меня отвлек от воспоминаний о моем сне.

– Да, необычные такие. Такое впечатление, как будто я их уже где-то видел, – я машинально посмотрел на мобильник, хотя время можно было узнать по настенным часам. Было без пятнадцати десять. *Алиса, должно быть, уже на подъезде к дому.*

Поерзав немного в кресле, я решил начать разговор с соболезнавания.

– Как же так могло произойти-то, а? Даже не верится. И хоть мы с Димкой особо не дружили, но я до сих пор не могу прийти в себя от этого известия.

Соня ничего не ответила на мою тираду, более того, она отошла в глубь комнаты и села за стол с самой дальней стороны таким образом, что я в полумраке не мог рассмотреть ее лица. В комнате повисло неловкое молчание, нарушаемое только громким тиканьем черных настенных часов.

– Соня, а ты вообще чем в Василькове занимаешься? Но в ответ я получил очередную порцию молчания.

Соня не двигалась, не отвечала на мои вопросы, а просто сидела на стуле в самом дальнем углу стола и смотрела в мою сторону.

Может, она точно умом тронулась?

– Зачем ты сю-у-уда при-иехал?

– Я же сказал, у меня здесь командировка, вот и приехал навестить. Мне этого не стоило делать?

Но ответа на свой вопрос я вновь не получил. Соня явно как-то странно себя вела.

– Кра-асивая открытка цвета ра-азлуки.

Я только сейчас заметил, что все время держал в руке открытку Алисы. В этот же момент по всему дому разнеслось «ку-ку-ку», кто-то звонил в дверь. От неожиданности я вздрогнул.

Наверное, пришла Димкина мама.

Но Соня продолжала сидеть на месте, никак не реагируя на звонок в дверь. Вновь разнеслось «ку-ку-ку».

– Ты не откроешь дверь? – я обратился к Соне.

Она, наконец, поднялась со стула, но все равно не спешила идти открывать дверь.

– Соня, кто-то звонит в дверь. Может, это Татьяна Александровна?

И только после этих слов Соня какой-то неестественной походкой направилась через кухню к веранде. Двигалась она действительно странно, почти не передвигая ногами и совершенно не раскачиваясь в стороны, как будто она была на роликах и ее кто-то тянул веревкой. Я в очередной раз для себя отметил, что Соня сделала неестественную амплитуду, когда, выходя из комнаты, как можно дальше удалилась от лучей падавшего света торшера.

Может, у нее что-то с лицом и она стесняется мне его показать?

Как только Соня вышла, мне стало отчего-то страшно. Такое впечатление, как будто все время никого и не было рядом, а я каким-то образом попал в совершенно неприветливый и чужой мне дом. Более того, сам дом казался совершенно нежилым. Я чуть наклонил торшер в сторону телевизора и обнаружил на экране толстенный слой пыли, пыль также была на серванте и деревянных ручках кресла, в котором я сидел. Затем я повернул торшер в сторону стола и только сейчас увидел на нем высокую вазу желтого цвета, а в ней – два искусственных цветка. Странно, я всегда думал, что четное количество цветов ставится только на могилы, но никак не в доме. Хотя кто поймет этих Обуховых.

Соня почему-то задерживалась, и чтобы как-то отвлечься от тревожащих мыслей, я решил еще раз прочесть стихотворение на открытке.

У красоты смертельный лик,
И слезы неба будут долго.
Ты злую глупость совершил,
И к двадцати трем ты вновь один.

Я прочитал еще один раз, затем еще и еще. Содержание открытки было совершенно другим! Вернее, другими были только последние две строчки стихотворения. Теперь оно было адресовано явно лицу мужского пола, то есть адресатом вполне мог быть я. И опять это число 23, которое меня постоянно преследует. Я резко посмотрел на часы за своей спиной, было без пяти минут одиннадцать. Стихотворение точно написано для меня. И что значит «злую глупость совершил»? Но времени на раздумья у меня не было. На пороге появилась Соня.

Глава 15 БЕЗ СОЗНАНИЯ

13 апреля. Четверг. Вечер – 14 апреля. Пятница. Ночь

Соня стояла в проеме двери и смотрела на меня. Звонки в дверь прекратились, но на веранде слышался какой-то шорох и тяжелое дыхание. Как будто кто-то с трудом разувался.

– Кто-то пришел?

Но на мой вопрос Соня не ответила. Напротив, ее тело наклонилось ко мне, и она двинулась на меня. Я машинально наклонил торшер в ее сторону и тут же закричал. На меня смотрело перекошенное иссиня-белое озлобленное лицо, лишь слегка напоминающее лик прежней Сони. Лицо и руки у нее были покрыты темными синяками, нос и подбородок были вытянутыми, как у покойников, а сами глаза покрыты затекшей желтой пеленой. Чудовище, некогда бывшее Соней, вытянуло вперед руки и двигалось в мою сторону, мой крик его (или ее?) не остановил. Я вскочил и забежал за стол. Соня продолжала стремительно двигаться в мою сторону, машинально откидывая ногами стулья, попадавшие ей на пути.

С веранды послышался ответный крик. Но я на него уже не обратил внимания, так как Соня вскочила на стол, разделяющий нас, и быстро засемила по нему в мою сторону. Моментально была опрокинута ваза с двумя искусственными цветками, и один из них прилетел ко мне. Я потянул за края скатерть в попытке сбросить Соню со стола, но только усугубил ситуацию, притянув чудовище еще ближе к себе.

– Иди-и сюда-а... – Соня зашипела, и от этого стало совсем жутко.

Было ясно, что это чудовище ничего общего, помимо оболочки, с прежней Соней не имеет. Я дико закричал второй раз и кинулся в соседнюю комнату. Это была спальня и одновременно тупик дома. Я оказался в западне, но, прежде чем я бросился обратно к двери, чтобы закрыть ее, меня опередили. На пороге уже стояла Соня и, неестественно вывернув назад руки, умудрилась закрыть огромные белые двери в спальню. Какого-то черта в углу стояла швабра, и, прежде чем я успел об этом подумать,

Соня дотянулась до нее рукой и вставила швабру в дверные ручки. В комнате сразу стало темно. Бежать теперь было некуда.

За дверью послышались крики:

– Кто здесь?! Я сейчас вызову милицию!

Ага, вызовешь. Особенно когда в доме нет телефона.

Но тут я вспомнил о своем мобильном и стал искать его в кармане. Наконец, я его достал и осветил им дверь. Там Сони не оказалось. Но прежде чем я успел осветить всю комнату и найти взглядом это чудовище, в мою шею впились две холодные костлявые руки.

– Умри-и-и-и...

Задыхаясь, я посмотрел направо и встретился взглядом с желтоватыми белками Сони. В это же время в дверь начали стучать, но я уже плохо соображал. Мне не хватало воздуха и сил, чтобы вырваться из смертельных объятий.

– Димка дал мне время до двадцать третьего. – я это еле прохрипел, но почувствовал, что хватка Сони ослабла. Тем не менее дышать было все еще тяжело, и отпускать она меня пока еще не собиралась. Но моя фраза приостановила чудовище. – Соня, ты ведь не посмеешь послушаться своего мужа, – теперь я уже говорил четко и с неким упреком. – Немедленно меня отпусти, ты ведь послушная жена Димы. Соня, ты теперь Обухова и должна слушаться своего мужа. Иначе будешь наказана.

Наконец, Соня меня отпустила и просто стояла рядом, не зная, что ей делать. Что делать дальше, не знал и я. Понятно было только то, что инициативу нельзя выпускать из своих

рук, если я, конечно, не хочу умереть. Я покосился в сторону двери. *Надо вынуть из ручек швабру!* Тем временем стук в дверь прекратился.

– Соня! Ты уже взрослая девушка, а ведешь себя так, как будто мы с тобой все еще в детском садике. Так же нельзя! У меня на днях был разговор с Димкой, мы договорились наш вопрос решить двадцать третьего, это же он сказал. А ты его решила послушаться, ну так же нельзя!

Я постарался сделать шаг в сторону, но Соня тут же зашипела и машинально потянулась рукой к моей шее. Я сразу же остановился, и она опустила руку. *Сука, еще не доверяет мне.*

– И вообще, ты хочешь еще Димку увидеть?

Этот вопрос я задал опрометчиво. Соня тут же как-то неестественно прогнулась назад, как будто пыталась сделать мостик, и начала шипеть, иногда выговаривая имя Димки.

– Ди-имка... Ди-имка... шшс-с-с-с... Ди-имка... Убить Лескова, ну-уж-жно уби-ить Ле-ескова...

Последнюю фразу я расслышал уже хорошо. Больше разговоры не пройдут. Я кинулся к двери, но успешная нагнать меня Соня кинулась мне на спину. Ее пальцы еще сильнее впились мне в горло, я уронил мобильный, и комната тут же погрузилась в темноту. Правой рукой я нащупал на стене выключатель и, оседая на пол, успел включить свет. Дышать мне становилось все труднее, из последних сил я вытащил швабру из дверных ручек и толкнул дверь. Большая комната ударила ярким освещением (видимо, посетитель не удовлетворился светом одного торшера). Прямо посередине комнаты (чуть левее стола) на коленях стояла женщина и держала в руках большой платок с землей. Перед ней горела свечка. Еще две свечки горели справа и слева от женщины. Я начал терять сознание и откуда-то из глубины услышал приглушенный крик:

– В этом доме день мертвым, ночь живым! Изыди, Соня, в свой мрак ночи! Твое время еще не пришло!

Тут же пальцы на моей шее разомкнулись, Соня вскочила и кинулась в окно. Раздался треск разбитого стекла, и в черном проеме исчезло белое пятно ночной рубашки. Я потерял сознание.

Очнулся я уже на диване. У моего изголовья сидела женщина и что-то невнятно шептала. Она еще не заметила, что я пришел в себя, а я тем временем прищурился, делая вид, что еще лежу без сознания, и попытался ее разглядеть. Женщине было далеко за пятьдесят, она была невысокого роста, чуть полновата и казалась какой-то заторможенной. Все ее движения казались замедленными. На ней была длинная черная юбка и какая-то невзрачная темная кофта. А голова обмотана черной лентой – признак траура (к которому я понемногу стал привыкать). Я смотрел на нее и не узнавал, неужели это была Татьяна Александровна, мать Обухова? *Боже, она не могла так измениться!* Я помнил ее энергичной, полноватой женщиной, которая всегда на мои ябеды на Димку отвечала дежурной фразой: «Мальчишки должны сами разбираться». Да уж, разобрались...

– Витя, ты уже очнулся? – Голос у нее был сухой и сдавленный, совсем не похожий на тот, что я помнил в детстве.

– Да, добрый вечер, Татьяна Александровна, – я попытался сесть на диване, но у меня это не получилось, резко заныла шея, видимо, эта сучка Соня отдавила мне там все мышцы.

– Лежи, не двигайся. Тебе надо набраться сил, еще рано. Да и ночь уже, а не вечер, – мать Обухова даже, кажется, улыбнулась.

А чего, еще рано? И – стоп! Как «уже ночь»?! Меня же ждет Алиса!

Я в очередной раз потянулся и, преодолевая боль, сел на диван.

– Татьяна Александровна, никто не звонил в дверь, пока я был без сознания?

– Нет, Витя. Никто. Ты ложись, набирайся сил. Будешь до восхода солнца здесь, куда тебе идти. Ночь на улице.

– Меня девушка ждет там, я договорился, что вас наведаю и поеду с ней. Она, наверное, уже вся извелась в ожидании меня.

Я сделал попытку встать, но Татьяна Александровна остановила меня жестом:

– Витя, нет там уже никого. (*Что значит – «уже»?») Но если ты так волнуешься, я пойду и посмотрю, если там стоит какая-то девушка, я приглашу ее в дом, хорошо?*

– Давайте я сам.

– Да куда ты в таком состоянии пойдешь, ты без сил совсем. Я сейчас вернусь, – и Обухова направилась к выходу.

Я услышал, как на веранде открылась дверь, а затем щелкнул дверной замок. *Странно, зачем, выходя на минуту из дому, запирает меня в доме?* На столе лежал мой мобильный, я дотянулся до него рукой и посмотрел на часы, было десять минут второго ночи. Получается, я без сознания был больше двух часов. Хорошо же меня приложила Сонечка.

Дверной замок щелкнул опять, кто-то открыл ключом дверь. Я весь напрягся в ожидании. На веранде, а затем и на кухне послышались шаги. На пороге появилась Татьяна Александровна. Она была одна.

Глава 16 ОБЛАВА

14 апреля. Пятница. Ночь

– Я же говорила тебе, никого там нет. Уехала твоя Алиса домой, завтра ее увидишь, – Татьяна Александровна прошла в комнату и вновь уселась на стуле возле меня.

Меня передернуло, я почувствовал невидимое напряжение и какое-то подспудное беспокойство.

– А откуда вы знаете, что ее зовут Алиса, я вам не говорил ее имени.

– Говорил, Витя, говорил, – и мать Обухова вновь сделала попытку улыбнуться. – А может, в забытьи сказал, я уже и не помню. Ты много сегодня имен выкрикивал, маму свою вспоминал, Димку.

После упоминания о Димке голос у Татьяны Александровны дрогнул, а ее глаза налились слезами.

– Сыночек мой, Димочка. – но тут же Обухова резко дернула головой и вытерла лицо неизвестно откуда взявшимся платком. – Извини Витя, тяжело мне без него. Год почти прошел, а я не могу.

Я совершенно не знал, что сказать. В голову лезла всякая ерунда вроде «да не расстраивайтесь вы так» или «с кем не бывает». Наконец, я взял ее за руку и неожиданно для себя тоже заплакал. Мне вдруг стало так обидно на весь белый свет за то, что я без работы, без жилья, без Алисы, в которую успел влюбиться, а ее сейчас нет рядом, за все свои последние беды. Татьяна Александровна расценила мои слезы совершенно по-другому, притянулась ко мне, и мы вместе стали рыдать, правда, каждый о своем.

– Ничего, Витенька, ничего. Мы все еще исправим, все исправим. – мать Димки стала тихонько причитать, при этом поглаживая меня рукой по голове.

Что именно можно исправить в смерти Димки, я не знал, хотя вполне можно понять мать, убитую горем. У нее теперь свои тараканы в голове, и я совершенно не собираюсь вторгаться в ее песочный мир. Это горе с ней теперь навсегда, а мне не мешает вспомнить о цели поездки в Васильков.

– Витя, ты хочешь чаю? Или уже будешь спать ложиться?

Только сейчас я почувствовал, как же я чудовищно проголодался.

– Да, чай, с удовольствием. И, если можно, с какими-нибудь бутербродами. *К черту скромность!*

– Сейчас, Витенька, посмотрим, что у нас есть, – и Татьяна Александровна слегка заторможенной походкой направилась на кухню.

– Вам помочь?

Из кухни раздалось приглушенное: «Не надо, я сама».

Тем временем я вновь стал разглядывать комнату, только уже при полном освещении. Ваза с двумя искусственными цветками вновь стояла на столе, похоже, Обухова водрузила их на место. Правее от входа в комнату, где меня душила Соня, стояла этажерка со старыми советскими книгами, а над ней висела большая черно-белая фотография Димки в красивой деревянной рамке. Напротив меня стоял старый телевизор, хотя, похоже, все же цветной. Экран был весь запыленный, и я с трудом в нем отражался. Мое внимание привлек сервант, вернее, его содержимое. Раньше, при тусклом свете торшера и в присутствии Сони, я лишь заметил, что все стекла на нем тоже были покрыты толстым слоем пыли. Но теперь я увидел, что внутри самого серванта за всевозможными фужерами и рюмками находились вырезанные из картона вставки, которые закрывали все зеркала. А помимо серванта в доме я больше

вообще не увидел ни одного зеркала. *Может, примета такая нехорошая?* За моей спиной по-прежнему висел огромный ковер с повешенными поверх него механическими черными часами. Я готов был поклясться, что именно такие видел в своем злосчастном сне.

На пороге появилась Татьяна Александровна с подносом, на котором были две кружки чая, блюдце с печеньем и бутерброды со шпротами. Мы пересели за стол и, вместо того чтобы начать «чаепитничать» под медленный разговор, я накинулся на бутерброды. Татьяна Александровна молча смотрела, как я уминаю провизию, иногда отпивая маленькими глотками чай из своей кружки. Лишь после третьего съеденного бутерброда я стал немного походить на человека и потянулся к печенью.

– Ты не стесняйся, ешь. Я еще нарежу батона. Извини за скромный стол, больше ничего на скорую руку в доме не нашла.

– Да что вы, Татьяна Александровна! И так все замечательно. И очень даже вкусно. И почему Соня меня попыталась убить?

Переход получился быстрым, и для Димкиной матери даже неожиданным. Татьяна Александровна отодвинула от себя чашку с чаем и тупым взглядом уставилась на меня. Она какое-то время продолжала смотреть немигающими глазами, и тут на ее лице появилась (*или мне померещилось?*) чуть заметная ухмылка.

Почему меня пытались убить чудовище, лишь слегка напоминающее жену покойного Димы? Почему в доме завешены все зеркала, как будто здесь находится покойник, хотя Обухов умер почти год назад? И почему мы сейчас сидим с Димкиной мамой и усиленно делаем вид, как будто ничего не произошло? И.

Неожиданно я вскочил на ноги и выкрикнул:

– И где Алиса?!

Димкина мама даже не вздрогнула. Она по-прежнему продолжала смотреть на меня, только ухмылка на ее лице стала еще отчетливее. Наконец, она сказала ровным, не терпящим возражения, голосом:

– Сядь, Витя. Сядь и слушай меня.

Татьяна Александровна продолжала смотреть на меня не мигая, а я не знал, что делать. *Бежать? Боже, куда?! Сейчас ведь ночь, а за разбитым окном где-то рядом бродит это чудовище Соня. Довериться Димкиной маме? Да ведь очевидно, что она тоже ненормальная.* Я решил пока сесть на стул и выслушать ее, но сел не рядом, а за противоположный конец стола. За мной зиял темнотой открытый проем двери, ведущей в комнату, где меня пытались убить Соня, а по левую руку был еще один проем темноты – разбитое окно, куда выпрыгнуло чудовище.

Тем временем Татьяна Александровна начала говорить:

– Когда-то мы с твоей мамой, Витя, были лучшими школьными подругами. Мы очень много времени проводили вместе, часто бывали друг у друга в гостях, вместе ходили на танцы, сейчас вы их называете дискотеками. Но больше всего мы обожали фантазировать. Мы вместе хотели стать милиционерами, затем вместе решили убежать из дома и поехать устроиться работать на БАМе, покорять Сибирь... (*на хрена она мне это все рассказывает?*) А потом, когда мы уже с твоей мамой учились в выпускном классе, у нас появилась новая девочка. Никто не знал, откуда она взялась. Мы никогда не видели ее родителей, в школу ее привела какая-то старушка, она объяснила, что родители ее приедут в Г. позже, они находятся в каком-то дальнем гарнизоне. Девочка пробыла в нашем классе чуть больше трех месяцев, а затем куда-то пропала. Родителей ее так никто и не увидел, пропала куда-то вместе с девушкой и старушка. Но все это произошло потом. Наш класс сразу же как-то чудовищно преобразился. С появлением этой девочки стали происходить какие-то странные случаи. У детей стали разводиться родители, мы стали все агрессивными и злыми, но, самое главное, мы разругались с твоей матерью. Эта девочка... – тут Татьяна Александровна запнулась.

Видимо, воспоминания захлестнули ее с новой силой, я почувствовал, как у нее стал слегка дрожать голос. – Эта девочка очень любила писать странные стихи и дарить их своим одноклассникам. Сначала нам казалось, что это весьма мило, но затем... Затем это стало всех раздражать, кто-то попытался ударить или оскорбить девочку, но большинство стали просто ее избегать, и даже бояться. Получили по стихотворению и мы с твоей мамой.

– Девочку звали Ангелина?

Татьяна Александровна вздрогнула и посмотрела на меня удивленными глазами:

– Откуда ты знаешь? Тебе мама про нее рассказала?

– Никто мне про нее не рассказывал. Я сегодня с ней познакомился. Только представилась она мне Анилегной.

Димкина мама вновь как-то опустошенно заулыбалась и тихонько запричитала:

– Время пришло, Витенька. Время пришло.

– Так что там со стихотворениями? – мой голос прозвучал неестественно громко для этого злосчастного дома, и Татьяна Александровна в который уже раз вздрогнула.

– Стихотворения? Ах, да, стихотворения. В них, Витенька, – и Обухова с обескураживающей улыбкой посмотрела на меня, – были предсказания о Димкиной и твоей смерти.

Я побледнел, а кожа на руках покрылась крупными пупырышками:

– Но я ведь еще не умер.

Татьяна Александровна ничего мне на это не ответила, зато по-прежнему продолжала на меня смотреть с идиотской улыбкой. Неожиданно Обухова стала читать по памяти вслух:

Мы малые дети – и ты, и я,
И вырастем раньше, чем будет беда.
Родишь ты сынишку, он будет плохим,
При жизни ты будешь несчастней других.
Когда он уйдет, ты захочешь вернуть
И сделаешь так, совершив страшный путь.
Проклясть не забудь одного малыша,
Которого любит «сестричка» твоя.
Он будет хорошим – твой будет плохим,
Он будет счастливым – твой будет больным.
Но ты повернешь и проделаешь вспять,
Душа никому не нужна просто так.

– И что это было такое?

– Это стихотворение, которое подарила мне Анилегна.

– Ее, кажется, Ангелина зовут.

– Витенька, называй ее, пожалуйста, Анилегна.

– А Диму будем называть Амид?

Я добился своего. Глаза Обуховой вспыхнули двумя огоньками гнева, она вскочила со стула и начала кричать:

– Не смей так говорить про Димку, дрянной мальчишка! Он ушел из-за тебя – ты во всем виноват! Ты и будешь расплачиваться, ты и твоя мамаша! Я верну своего сынулю!!!

– Да? И каким образом? Убьете меня для этого? Обухова немного остыла. По крайней мере, она вновь загадочно заулыбалась.

– Ну что ты, Витенька. Прости старую несчастную дуру. Я сама не знаю, что говорю. Несчастлива я, не слушай мою ерунду, – говоря это, Татьяна Александровна начала коситься в сторону окна. Я проследил за ее взглядом, и она это заметила.

– Отодвинься от окна, Витенька, тебя может продуть. Димка мой так и схватил пневмонию.

– Да? А я думал он от передоза умер.

Глаза Обуховой вновь налились ненавистью, но в этот раз она быстро ее подавила.

– Витенька, ну что ты такое говоришь. Я просто беспокоюсь за тебя. Да и Соня там в саду бродит, она совсем одичала после ухода Димки.

Почему она вместо «смерти» постоянно говорит «уход»?

Обухова медленно начала обходить стол и постепенно приближаться ко мне.

– Татьяна Александровна, сядьте на место. Я хочу с вами поговорить.

– Как скажешь, Витенька, – и Димкина мама тут же вернулась на свой стул.

Меня стала беспокоить ее неожиданная покладистость. Она чего-то боится, и боится серьезно. И это касается непосредственно меня. Но чего? Чтобы на меня вновь не набросилась Соня? Может быть. А может. А может, она боится, чтобы я не убежал в открытое окно?

Я демонстративно приподнялся и подал корпус в сторону окна и тут же заметил, как стала подниматься и Татьяна Александровна. Я сел обратно на стул. *Так и есть, она очень сильно хочет, чтобы я оставался в доме. Бежать! Отсюда просто необходимо как можно быстрее бежать!*

– Татьяна Александровна, а прочитайте, пожалуйста, стихотворение, которое было написано Анилежной для моей мамы.

– У меня его нет, Витенька.

– Ну, а о чем там говорилось?

– Я не знаю, Витенька, твоя мама никогда мне его не показывала.

– А вы просили ее?

– Просила. И Анилегну просила потом уже рассказать, что она ей написала.

– И что Анилегна говорила?

– Сказала, что сама узнаю, когда время пробьет.

– Угу. Понятно.

Неожиданно я почувствовал, что меня со страшной силой стало клонить ко сну. Голова стала тяжелеть, а веки сами по себе слипаться. Я резко тряхнул головой, но сон согнал лишь на несколько мгновений. Такого у меня еще не было.

– Ты устал, Витенька, что мы все разговоры да разговоры. Давай я тебе постелю, – и Татьяна Александровна вновь стала приподниматься.

– Погодите, давайте еще немного поговорим. Минут пятнадцать-двадцать, если вы, конечно, не против? – Татьяна Александровна замерла в нерешительности. – А затем я у вас лягу спать, хорошо?

– Конечно, Витенька, – и Обухова вновь примостилась на стуле, но уже не так удобно, а как-то ближе к краю. Теперь она посмотрела украдкой на часы, а затем вновь краем глаза покосилась на проем разбитого окна.

Нас по-прежнему разделял стол, а до окна мне было не больше трех метров, правда, если прыгать в него, надо будет быстро подтянуться на подоконнике, а он здесь весьма высокий. Все осложнялось тем, что меня чудовищно тянуло в сон. Глаза мои вновь начали слипаться, а голова казалась просто какой-то невероятно тяжелой. Да и все тело быстро становилось ватным. *Эта тварь мне подсыпала снотворного.* Дальше медлить было нельзя.

– Димка, это ты?! – я расплылся в улыбке и вскочил со стула, смотря в дверной проем кухни.

Обухова тоже вскочила со стула и растерянно, ничего не понимающим взглядом тоже стала смотреть на кухню. Там никого не было. В этот же момент я двумя прыжками подбежал к подоконнику и попытался на него вскочить.

С первой попытки у меня не получилось, руки совсем не слушались.

В этот же миг за моей спиной раздался жуткий крик:

– Не уйде-е-е-ешь!!!

Сзади раздался грохот падающих стульев и тяжелое дыхание приближающейся Обуховой. Оглядываться я не стал. Ногой с трудом нащупал батарею и, упершись в нее, подтянулся на подоконнике и тут же попытался сигануть в окно, выставив вперед руки. Сделал я это как-то нерешительно, на подоконнике было полно битого стекла, и я не хотел порезать руки. В это же время я почувствовал, что в мою ногу вцепились две руки, которые потянули меня обратно в комнату.

– Назад, гаденыш, не уйдешь!

Голос Обуховой узнавался с трудом, в нем было столько ненависти и ярости, что я из последних сил уцепился за оконную раму и второй ногой ударил ее по лицу. Удар получился не сильным, но, похоже, болезненным, по крайней мере, я почувствовал, что хватка немного ослабла. Я еще раз дернул ногу и, как только окончательно освободился, выпрыгнул в окно. Упал я на куст крыжовника, расцарапав окончательно и так окровавленные руки. Досталось и лицу. Свежий воздух и очередная порция боли на некоторое время отогнали сон и общее бессилие организма.

Я поднялся и огляделся. Вокруг меня была сплошная темень. Свет на землю падал только из двух окон за моей спиной. Чтобы выбежать на улицу Гагарина, откуда я, собственно, и пришел, нужно было обежать дом по периметру, а возле входной двери меня может ждать Обухова. Поэтому я двинулся по огороду к высокому черному забору. Каждый шаг мне давался все с большим трудом, да к тому же еще земля была мокрой. Уже возле самого забора я оглянулся на крик. В оконном проеме виднелся силуэт сгорбленной Обуховой.

– Соня! Дитя ночи! Не дай ему уйти! Твое время пришло! Соня, спаси Диму!

В тот же миг мое внимание привлекло что-то около беседки. Мне показалось, что там мелькнула белая ночнушка. *Соня возле беседки! Слава богу, что я не стал бежать на Гагарина!* Я заторопился к забору и через несколько секунд был уже возле него. Сил у меня почти не осталось. Меня так клонило в сон, что хотелось завалиться прямо в огороде под забором, и пусть со мной делают, что хотят. Я действительно стал оседать, быстро засыпая, похоже, снотворное вступало в полную силу.

«Сыночек!!! Не спи!!!» – в голове у меня громом раздался голос мамы. На некоторое время я взбодрился, поняв, что это мой самый последний резерв. Меня хватит еще на несколько минут. Я приподнялся и обхватил руками пару досок забора. Он был слишком высоким, мне его не перелезть. Не хватит даже сил, чтобы подтянуться. Неожиданно одна доска пошла в сторону. Забор оказался слишком старым, все гвозди в нем давно были прогнившими, поэтому даже совершенно обессилевшему человеку удалось бы раздвинуть доски. За ними я увидел небольшие деревья, похоже, это были яблони, а еще чуть дальше массивное двухэтажное здание. Это был или детский сад, или школа, впрочем, мне было безразлично.

За спиной, где-то посреди огорода, раздалось шуршание, а затем и шипение:

– Ви-итя-я... Где-е ты-ы?

Спутать было невозможно, это была Соня. Необходимо было торопиться, но в таком состоянии я никуда от нее убежать не мог. И тем не менее не ждать же ее под забором? Я раздвинул доски в заборе еще шире, чтобы можно было пролезть, и уже просунул голову, как вдруг остановился. *А какого черта?*

Я снял пуловер, свернул его в комок и забросил со всех сил в сад, как можно ближе к тому двухэтажному зданию. Дырку в заборе оставил чуть меньше, но все равно не закрыл, чтобы был виден проем. Затем встал на корточки и пополз вдоль забора к обуховскому сараю. Без пуловера стало чертовски холодно, и это дало возможность еще немного отогнать от себя

сон. Хотя приятного было мало. Я дополз до кустов смородины, лег прямо в здоровенную лужу и стал выжидать.

Время шло безумно медленно, я весь дрожал от холода, у меня ныло тело и по-прежнему хотелось спать, даже в грязной холодной луже. У дырки в заборе никто не появлялся и ничего не происходило. Я уже хотел выбраться из лужи, как вдруг краем глаза уловил белый силуэт. Буквально в трех-четырех метрах левее меня из-за моей спины выбрела Соня и, тихо шурша ногами и по-прежнему почти их не переставляя, медленно прошла мимо меня. Мое сердце бешено забилося. Соня сразу за моим кустом свернула вплотную к забору и стала вглядываться в темноте в каждую кочку на земле. Снова раздалось шипение, тварь была недовольна результатами поиска.

Наконец она дошла до дырки в заборе, и ее шипение стало еще более яростным:

– Не уй-йде-ешь...

Костлявые руки Сони отодвинули чуть шире доски, и чудовище прошмыгнуло за забор в сад.

Мне следовало выбираться из лужи, здесь было небезопасно. В любой момент Соня или мать Димки могли оказаться в саду. Весь грязный и продрогший, я, по-прежнему на корточках, прошмыгнул под навес к сараю – встать в полный рост сил уже не было. Огляделся. Слева от сарая стоял покосившийся туалет, возле него, судя по железной изгороди, был курятник. Туда лезть точно не стоило, кудахтанье кур может меня выдать.

В это время за забором вновь раздалось шипение и до меня донеслось протяжное «Ви-итя-я». Похоже, Соня нашла мой пуловер. Следовало торопиться. Я продолжил осмотр. Сразу за курятником начинался сам сарай, так как все остальное было только пристройкой к нему. Под навесом я увидел три двери. Последняя, самая дальняя, больше всего походила на душевую, поэтому отпадала сразу. Необходимо выбрать из двух дверей одну, потому что сил осмотреть все у меня просто не оставалось.

А теперь, похоже, не оставалось еще и времени. За моей спиной зажегся мощный ручной фонарик, и я еле успел пригнуться. Возле дома стояла Татьяна Александровна и фонарем обводила своды сарая.

– Витенька, мальчик. Выходи, не бойся. Ты ведь не хочешь попасть в руки Сони?

Обухова по выбитой дорожке направилась к сараю, параллельно светя фонарем и на огород. Тропинка заканчивалась прямо напротив первой двери в сарай, которая просвечивалась, поэтому выбора у меня уже не было. Я пополз к единственно оставшейся для меня второй двери. На ней я увидел огромный амбарный замок, и меня охватило отчаяние. Но тут же оно сменилось надеждой – замок висел только на петлях двери, дверь фактически была открытой. Я ухватился за ручку, и не смог открыть дверь! Эта чертова дверь совершенно не поддавалась! Приближался шум шагов. Я прошмыгнул за трухлявую третью дверь в сарае и действительно оказался в маленькой кабинке душевой. Путь для меня оказался отрезанным, я загнал себя в тупик.

Через толстые щели душевой я увидел сначала яркий свет, а затем и силуэт Татьяны Александровны. В этом ярком свете он мне показался особенно зловещим. Обухова подошла к туалету и открыла дверь. Затем осветила курятник. Наконец она направилась к самому сараю. Открыла первую дверь и очень тщательно осветила все помещение. Похоже, оно было небольшим, так как она не заходила вовнутрь. Затем подошла ко второй двери. Потянула ручку, затем дернула ее сильнее, и только с третьей попытки ей удалось открыть дверь настезь. Во вторую дверь она уже вошла, видимо, там было где спрятаться. Послышался звон банок и скрежет передвигаемой мебели. У меня бешено забилося сердце. Обуховой оставалось проверить только душевую.

В этот момент под навесом раздалось шипение. Тут же из комнаты с фонарем вышла мать Димки и направила фонарь в сторону Сони, та зашипела еще больше.

– Ты нашла его?

– О-он в де-етски-ий са-ад убе-ежа-ал...

– Дура безмозглая! Он не мог никуда убежать, я его лошадиной дозой снотворного напоила. Он сейчас где-то в кустах спит, иди и найди его!

– Я на-ашла-а во-от э-это-о... – и Соня протянула Татьяне Александровне мой некогда белый пуловер.

Татьяна Александровна взяла пуловер в руки.

– Где ты его нашла?

– В са-аду-у...

– Так чего ты, дура, вернулась сюда, а не продолжила поиски?! Ты хочешь, чтобы мой сын вернулся?! Или ты хочешь вернуться к нему обратно?!

На крики Димкиной матери раздалось очередное злобное шипение.

– Пошипипи мне, тварь тупая! Пошли, мразь, в сад, и поживее иди, гниль мертвая! Не найдем Лескова сегодня, отправлю тебя туда, откуда вытащила!

Они обе направились к забору, как вдруг Обухова остановилась и посветила в сторону душевой фонарем.

– Я осмо-отре-ела-а сара-ай с само-ого на-ачала-а... Та-ам его-о не-ет.

В этот момент я стал терять сознание от напряжения. Наконец Обухова прекратила светить в сторону душевой и, развернувшись, пошла с Соней к дыре в заборе. Самое главное, Димкина мать не закрыла вторую дверь в сарае! Как только они скрылись из виду, я выполз из душевой и дополз до второй двери. Я залез в помещение, пол был каменный и холодный. Рядом что-то запищало. *Сранные мыши. А может, и крыса.* Я достал из кармана мобильный. Впервые я с радостью отметил наличие на мобильном телефоне чехла. Иначе он должен был бы уже после всех луж полететь ко всем чертям.

Я осветил помещение. Оно было небольшим, к тому же заставленным всякой рухлядью. Скорее всего, это была мастерская. Помимо двух столов здесь стоял громадный шкаф, какая-то старая советская стиральная машина, которая занимала кучу места, несколько стульев и огромное количество стеклянных банок. На столах и полках были тиски, море отверток, плоскогубцев и другого подобного барахла. Но, самое досадное, здесь совершенно негде было спрятаться. Я уже почти засыпал, а в эту мастерскую мать Димки зайдет еще минимум раз, хотя бы для того, чтобы закрыть дверь.

Я начал пятиться, решив заползти как можно дальше в огород и упасть где-нибудь в кустах, как наткнулся ногой на стремянку. Посветив вверх, я увидел, что здесь есть чердак. И вход находится как раз под стремянкой, ее даже не надо было передвигать. Оставался только один пустяк – взобраться по лестнице наверх. Я облокотился о лестницу и поднялся во весь рост. Голова закружилась, в глазах поплыли черные круги. Я сделал первый шаг, а затем и второй. Руки сильно дрожали, но если я сейчас упаду, то сил подняться второй раз уже не будет. Всего я насчитал на стремянке шесть ступенек, значит, оставалось сделать еще четыре шага. Третий и четвертый получилось сделать одним махом, но затем лестница начала шататься. Стремянка была не расставлена, а просто упиралась в шкаф, поэтому держать равновесие было тяжело. Наконец я сделал еще один шаг, но дотянуться до чердачной крышки все еще не мог, потолок был высокий. Оставалось сделать последний шаг, но нужно было держаться за шкаф двумя руками, иначе я точно упаду. Я положил мобильный обратно в джинсы, и мастерская погрузилась в темноту. Я сделал последний шаг и уперся руками в деревянную крышку чердака. На удивление, она поддавалась легко, и я отодвинул ее в сторону. Оставалось самое последнее, но и почти невозможное. Мне нужно было подтянуть почти все тело в чердачный проем. Став на самом вершине стремянки на цыпочки, я просунул как можно дальше руки в чердачный проем и нащупал какой-то металлический штекер. Я дернул его несколько раз, похоже, он был прибит намертво, а потому его можно использовать

в качестве упора. Набрав воздуха в легкие, я со всей оставшейся силы оттолкнулся от стремянки и с помощью штекера подтянул почти треть тела в чердачный проем. Теперь нужно было действовать очень быстро. Силы начали стремительно меня покидать, поэтому я или смогу полностью просунуться на чердак, или упаду на пол, где меня найдут эти обуховские твари. Извиваясь как змея, я еще раз подтянулся и, наконец, просунулся уже до пояса. Дело было сделано! Совершив последнее усилие, я полностью пролез на чердак и, повернувшись, задвинул за собой крышку.

Теперь больше всего на свете мне хотелось просто отключиться. Но нужна была хотя бы еще минута. Я достал мобильный и осветил чердак, он показался мне огромным. Видимо, его площадь распространялась над всем сараем. Осматривать весь чердак времени и сил у меня уже не было, поэтому я пополз в первую попавшуюся сторону, как можно дальше от проема. По дороге мне попадались какие-то старые игрушки, древняя обувь, затем пошли банки, и, наконец, я дополз до каких-то мешков с чем-то мягким. Судя по запаху, в них скорее всего было сено. Я залез за первые два мешка и нащупал рукой протертое и колючее старое одеяло. Натянув его на себя, я услышал, как в кармане у меня запищал телефон. Но достать из кармана мобильный у меня уже не было сил. Я закрыл глаза и провалился в сон.

Глава 17

СТРАШНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Предположительно, 14 апреля. Пятница

Кругом была темнота. Еще было очень холодно. Я всхлипывал и звал маму, но никто не откликался. Вокруг меня образовался небольшой кружок света, и я увидел, что вновь стал маленьким восьмилетним мальчиком. Мне было очень холодно, дул какой-то мерзкий ветерок, а я был в одних штанишках. На переднем кармане мама вышила мне зайчика, это мои любимые штаны, я очень ими горжусь.

Сзади меня что-то прокатилось, я вздрогнул и обернулся на звук. Но кругом была одна темнота. Из темноты вновь раздался какой-то звук, на этот раз громче и значительно ближе. Теперь казалось, что этот шум начал превращаться в какой-то грохот, как будто по брусчатке ехал грузовик, груженный арматурой. А я смотрел в темноту и дрожал теперь уже не только от холода, но и от страха. Но еще больше я боялся шагнуть в темноту, там было так страшно! А грохот становился все громче и все ближе.

«Сыночек! Сынулик мой!» – это был голос мамы. Она где-то здесь, она рядом!

– Мама! Мама! – я звал маму, надеясь, что она придет в круг света и заберет меня из этого страшного места, но мой голос заглушал надвигающийся грохот. – Мамулька! Мамулечка! – я начал громко плакать, мне стало очень-очень страшно.

Я хотел прижаться к маме, чтобы она меня спасла. Она ведь может, она все может. Пусть только придет и заберет меня отсюда.

Грохот стал невыносимым. Что-то огромное и страшное катилось прямо на меня, я перестал слышать свой голос. И вдруг в моем сознании я услышал самый близкий на свете голос: «Сынок, беги!»

Я сделал шаг в темноту и побежал.

Но неожиданно все закончилось. И грохот, и темнота. Я вновь стал большим и сидел на лавочке в парке Шевченко, ожидая Алису. Она опаздывала, она всегда опаздывает. Но вот она пришла. Мы поцеловались, взяли за руки и заговорили о нашей предстоящей свадьбе. Алиса хотела быть в белом, а я был против.

– Почему ты против, белый цвет мне так идет.

– Я не знаю, я просто не хочу белый. Он... он плохой.

– Витя, значит, и я плохая? Я у тебя плохая?

– Ну что ты, разве плохим Алисам дарят букет цветов, – и я протянул ей огромный букет черных роз.

– Боже, Витя! Какой прекрасный венок! Спасибо, что ты мне его подарил, – и Алиса одела его себе на шею и легла на скамейку, скрестив на груди руки.

Мне стало неудобно. Откуда взялся венок? Я не хотел дарить Алисе венок, я ведь ее люблю, я ей буду дарить всегда только цветы. Я посмотрел еще раз на Алису, теперь она была вся в белом, с черным венком на шее. Она лежала неподвижно, закрыв глаза, а у лавочки куда-то пропала спинка.

– Ты слышишь меня? Я не хотел тебе дарить венок! Алиса не шевелилась.

– Алиса! – я дернул ее за плечо, но безрезультатно. – Хватит притворяться!

Я нагнулся к лицу Алисы и зашептал:

– Алиса, лапка моя, ну не пугай меня так. Давай ты встанешь и мы пойдем отсюда...

Неожиданно глаза Алисы раскрылись, но там зияла пустота. Я в ужасе отпрянул, но Алиса схватила меня за руку и стала приподниматься, при этом скалясь на меня непонятно откуда взявшимися желтыми зубами.

– *Это-о ты-ы мне-е ве-ено-ок по-ода-ари-ил... ты-ы, Ле-еско-ов... – Алиса тянула слова, и от этого становилось еще страшнее. – За-аче-ем ты-ы оста-ави-ил меня-а одну-у?*

Наконец я вырвал руку и отпрянул в сторону. На месте Алисы передо мной стояла Соня. Вместо свадебного платья на ней была белая ночная рубашка, правда, вся в каких-то грязных земляных пятнах. Соня протянула ко мне свои костлявые руки и стала медленно, с шипением приближаться. Вокруг снова стало темно, свет освещал лишь лавочку и нас с Соней. Я сделал шаг назад и уперся в темноту. Она меня не выпускала! Соня неумолимо приближалась ко мне и за каждым ее шагом надвигалась темнота. Свет все сужался, и вместе с приближением костлявых рук я чувствовал приближение смерти.

– *Умри-и вме-есто-о Димки-и!*

Холодные костлявые руки коснулись моей шеи. Мне стало тяжело дышать, из последних сил я закричал.

Я проснулся, что-то давило мне на грудь и было по-прежнему темно. *Еще ночь? Или я проспал целые сутки и наступила уже следующая ночь?* Боковым зрением я уловил лучики света, и тут же вспомнил, где я нахожусь. Дышать было все еще тяжело, я был завален несколькими мешками, и один из них больно упирался мне в грудь. Или в мешках не только сено, или мешок сена – это все же тяжело. Я попытался скинуть с себя мешки, но у меня не получилось поднять даже руку. Все мои конечности затекли. Видимо, после того как я погрузился в сон, я не поменял позы. Сейчас необходимо в первую очередь размяться, чтобы я мог элементарно передвигаться. Я попытался сжать руку в кулак, в первый раз не получилось, по всей руке пошли колики. Я повторил попытку, на этот раз получилось, но пальцы в кулаке все равно не слушались. То же самое я проделал и с другой рукой. Наконец получилось сначала согнуть руки в кистях, а затем и в локтях. Набрав воздуха в легкие, я скинул два мешка в сторону, но самый тяжелый по-прежнему упирался мне в грудь. *Что там, черт подери, лежит?* Я сделал еще одно усилие, дернулся всем телом вправо, и мешок с каким-то хрустом съехал в сторону. Мне сразу стало легче дышать. Теперь силы быстро приходили ко мне. Я смог повернуть вправо-влево затекшую шею, руки уже полностью сгибались, с ногами и вовсе таких проблем не было, я сразу легко стал на коленки. И тут же упал обратно! Прямо на меня уставилось в озлобленной ухмылке лицо Сони! Меня охватили дрожь и паника. Кошмар из только что снившегося мне сна стал явью! Соня смотрела на меня немигающими глазами и как-то странно чуть заметно раскачивалась из стороны в сторону.

Прошла, может, минута или две, но ничего не происходило. Мы все так же смотрели друг на друга, я – очумело, Соня – с какой-то зловещей улыбкой. Мое сердце продолжало все еще бешено колотиться, но мышление постепенно стало переходить из лихорадочного в логическое. *Прыгнуть в окно? Бля, нет тут никакого окна! Чего она ждет?* Теперь мне показалось, что Соня смотрит не совсем на меня, а немного в сторону. У меня начала вновь затекать рука, я двинул локтем в сторону и попал по мешку, который сдавливал мне грудь, в нем опять что-то хрустнуло, а Соня и на это никак не прореагировала. Говорить я все еще боялся, но тем не менее начал очень медленно подниматься. Когда я стал во весь рост и из-за мешков увидел ноги Сони, меня моментально пробил холодный пот. Ее ноги не касались пола! Я присмотрелся к ее голове внимательнее и только сейчас увидел черный капроновый шнурок, обмотанный вокруг ее шеи. Соня была повешена! *Или сама повесилась.* Хотя разницы сейчас не было никакой. Теперь я понял, почему ее тело неестественно раскачивалось в разные стороны, – оно просто болталось, как боксерская груша. Можно пройти мимо нее к чердачному ходу, спуститься вниз в сарай и постараться незамеченным убраться из этого чертового дома куда подальше.

Я сделал нерешительный шаг вперед, но сделать второй не получилось. Мне ужасно страшно стало приближаться к телу покойницы, чердак был не таким широким, а по бокам крыша значительно снижалась, и для того чтобы пройти к чердачному проему, мне необхо-

димо было чуть ли не вплотную наклониться к Соне. Я пересилил себя и смог к ней приблизиться. Белки ее были практически желтыми, а черные зрачки смотрели в ту сторону, откуда я только что пришел. *Всегда думал, что у повешенных глаза закатываются, почему у нее они смотрят прямо?* Я машинально проследил за ее мертвым взглядом, и мои глаза снова остановились на том проклятом мешке. Что там? Я остановился в нерешительности. С одной стороны, мне хотелось быстрее добраться до выхода, и тем более не стоять рядом с покойницей. А с другой, во мне выиграло чувство здравого самосохранения. Я приехал в Васильков и совершенно ничего для себя не разрешил. Напротив, приобрел дополнительный ворох проблем, и, даже сбежав сейчас отсюда, такие проблемы просто так никуда не денутся. Неужели Татьяна Александровна или Анилегна не смогут найти меня в Столице? *А если они сунутся к маме в Г.?* Как только я вспомнил о маме, тут же решительно развернулся и направился обратно к мешку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.